

Игорь Викторович Чубаха
Александр Логачев
Пепел и золото Акелы
Серия «Пепел», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180431

Игорь Чубаха, Александр Логачев. Пепел и золото Акелы, или Ответ знает только Пепел:
Крылов; Москва; 2003
ISBN 5-94371-419-7

Аннотация

Было ясное утро, по «Радио-шансон» транслировали хорошую – правильную – музыку, ничто не предвещало неприятностей. Но судьба-злодейка черным вороном закружила над Пеплом. Ядовитым клювом постучала в оконное стекло, распатронила колоду карт и нагадала цыганское счастье.

Оставался у Пепла должок перед погибшим другом – доставить нательный крестик матери товарища, только эта дорога из близкой превратилась в дальнюю да с козырными хлопотами. Потому что легли поперек пути Пепла бешеные деньги, а на эти деньги упали тени охотников за сокровищами.

Окунулся Пепел в грязный мир, где смрад заброшенных домов сменяется помпезностью шикарных офисов, где нет никому веры и каждый готов предать. Как надежно спрятать бесценную вещь? Запереть на сто замков в сейфе, в полночь закопать в землю, окружить охраной из отчаянных головорезов? Охотники за чужим золотом все равно не потеряют след...

Содержание

Глава 1. Дурная примета	5
Глава 2. Город мастеров	19
Глава 3. Ботаники	27
Глава 4. Сбой программы	35
Глава 5. Чавелы	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Игорь Чубаха
Александр Логачев
Пепел и золото Акелы, или
Ответ знает только Пепел

Роман публикуется в авторской редакции.

Глава 1. Дурная примета

*...Право на необходимую оборону имеют в равной мере все лица независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения. Это право принадлежит лицу независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти...
(Статья 37 УК РФ)*

Кар-р, кар-р, кар-р...

Пепел открыл глаза. Еще сонные, но уже злые глаза.

Кар-р, кар-р, кар-р, кар-р, кар-р, кар-р...

– Черный ворон, где ты, гнида, выешься? И меша-а-ешь мне поспать... – просипел Сергей Пепел. Дальше петь не захотелось. Казалось бы, давно дурные приметы по боку, типа Пепел напрочь выхаркал суеверную слякоть из души, но стоило за окном закаркать дурной вороне, настороенье – раз, и подсело, как батарейка в дешевом тайваньском фонарике.

Кар-р, кар-р, кар-р...

Противный звук наконец растворился среди прочих городских шумов.

За мутным окном нехотя спадала дневная жара. Пепел покосился на табло бывших в зрачки ядовито-зеленым электричеством настенных часов. Пятнадцать сорок пять, раннее утро для полуночного ковбоя. Но сон был перебит, как кость после удара фомкой.

– Ну, пускай петушок покаркает, – бодрясь, подмигнул отражению в стекле серванта Пепел и сладко потянулся под одеялом. Типа, не овчарки лают, и не вохра гнусавит. Но успокоить себя таким образом не повезло. Во рту оставалось кисло, и этот нерадостный привкус клеился теперь ко всему, на что бы Сергей ни кинул взгляд.

Тогда, ломая подступившую чернуху, Пепел сорвался с койки, сунул в зубы приготовленную заранее папироску, пару раз смачно пыхнул и по-кошачьи бесшумно скользнул на кухню. Он не переносил любую работу, даже самую пустяшную, однако пересилил, приготовил бодрящий чифирок, хлебнул, добавил сахара и, не допив черно-коричневую жижу, шатнулся в ванную. Там долго фыркал под студеной струей, осторожно обрабатывал физиономию новенькой бритвой, остервенело чистил зубы. То есть всюду наслаждался свободой. Вышел из ванной, встряхнулся как собака и, махом опрокинув в пасть остывший чифир, двинул одеваться.

Короче, все неотложные дела были приговорены в десять минут, но навороженная карканьем муть с сердца не отскабливалась. Сергей плюхнулся в раздолбанное кресло. Не сиделось. Ткнул пальцем в кнопку «power» на магнитоле, и комнату залило воркование «Радио Петрограда»:

*– Бегут, стучат,
Бегут колесишки гуськом.
Спешат, хотя
Пугнуть парнишечку сибирским холодком.
А я ушаночку поглубже натяну
И в свое прошлое с тоскою загляну,
Слезу смахну,
Тайком тихонечко вздохну...*

– пробирал до селезенки ветеран шансона.

Несмотря на старания Сергея, жилье его как было берлогой, так берлогой и оставалось. Продавленный топчан, вьевшаяся в оконные стекла вековая пыль. Пусть взгляд занозился о самые нелепые предметы вроде ржавеющего на комоду дуэльного пистолета двухвековой давности со сломанным замком или кожаной сумки, откуда выпирала линза крутого профессионального фотоаппарата «Filips» и прочие узкопрофессиональные фотографические прибамбасы, эта хата как была логовом зверя при прежнем владельце, так логовом оставалась и при нынешнем.

Но в этом «зверином принципе» хоронилась и сила Сергея Пепла, жившего по закону ни к чему не прикипать сердцем. Пепла, хронического одиночки, вроде обшрамленного кота, гуляющего сам по себе по задворкам жизни.

– ...Бегу один,
Бегу к зеленым городам.
И вдруг – гляжу:
Собаки мчатся по запутанным следам.
А я ушаночку потуже натяну
И в свое прошлое с тоскою загляну,
Слезу смахну,
Тайком тихонечко вздохну,

– догорчил из динамиков голос Геннадия Жарова и угас, зато ожил бодрый тембр диджея:

– Добрый день! Снова добрый день, дорогие друзья, опять с вами в эфире Владимир Омаров. Тем, кто не слышал, спешу сообщить, тем, кто уже в курсе, спешу напомнить, что до эпохального концерта звезд русского шансона в Ледовом дворце осталось три часа. И мы продолжаем нашу викторину. На данный момент числится неразгаданным последний вопрос. На какое количество заключенных был первоначально рассчитан изолятор временного содержания «Кресты», и как имя-отчество архитектора этого культового здания? Поскольку наше славное «Радио Петроград» является соорганизатором грандиозного парада гитарных струн в Ледовом дворце, победителя викторины ждет билет на праздник хриплых аккордов!

Пепел, понятно, знал про «Кресты» тайны покруче, чем пресные загадки диджея. Но суетиться ради халявы посчитал ниже своего достоинства.

Наплыло. Вспомнилась угрюмая байка, которую любила рассказывать старая Рута.

?Ой, ромалэ, слушайте, какие истории знали в прежние времена. Один цыган гулял по майдану в Херсоне, и вдруг видит, что к нему направляется смерть с косой. Цыган вскочил на коня и помчался долой, и всего за три часа доскакал до самого Краснодара. Коня загубил, сам в мыле, еле на ногах стоит, воздух синими губами ловит. И тут подходит к нему та самая жуткая смерть и говорит: «Хотела тебя спросить, что ты делаешь на базаре в Херсоне, когда у меня с тобой через три часа назначена встреча в Краснодаре»? Такое вот оно – цыганское счастье...?

Проклятый ворон, испохабил все настроение, недобрые мысли в голову полезли. И коль такой коленкор, коль все равно тоска, Сергей решил-таки взяться за одно обязательное по совести, но тягостное и потому отложенное в дальний ящик дело. Хуже не будет.

Поездка предстояла тяжелая. Во-первых, Пепел не знал дороги, во-вторых... Почему-то вспоминался фильм «Калина красная». Егор Прокудин подсылает к родной матери жену узнать что да как, а сам мается, подойти не может. В принципе ничего похожего не намечалось, хотя «смотря как посмотреть». Пепел вынул из сосланой на шкаф шкатулки оловянный

нательный крестик, сдавил в кулаке, будто пытаюсь выжать из металла последнюю слезу, и грустно прикусил губу. Хотя лет прошло ох как много...

А было это так.

– ...При коммунистах жили проще. – Желтокожий старичок поежил драный фуфан. – Четыре, ну, от силы месяцев пять. Потом группировочка меняется, правила остаются. А сейчас беспредел полный. Народ мельчает, сязки в фаворе. Раньше одно ранение в месяц – это уже ЧП. А сейчас одно убийство в месяц – норма. И главное: храмы ставят и ставят, а отморзков все больше. Я тут с одним переписываюсь, вышел он недавно, авось и мне по выходе поможет. Хотя, хрен поможет. Такой маразм отчебучил, дескать, ампутация памяти у него не негатив. Не хочет зону вспоминать!

Дедуля прикурил у собеседника бычок, продолжая без азарта наблюдать, как по вымороженной январской стужей казарме, размахивая заточками и зычно грохоча прохорями, носятся озверелые зеки. Аж иней с потолка крошится.

Двое ссеклись с остальными. Стороны друг друга стоили. Ни тебе лишних угроз, ни истеричных взвизгов, ни позорных стонов. И никакого легкомыслия, без малейшего намека на фраерскую браваду. Мелькали сцепленные зубы, счесанные кулаки, и осыпались ключья одежды. Вот один врезал в челюсть напротив, вложив весь свой вес, не жалея костяшек. Вот другому заехали носком по голени. Вот жало заточки вспахало пустоту на месте, где только что приплясывал третий. Вот четвертый прозевал коленкой под дых. Вот пятый поймал сопаткой штыковой таран чужого лба. Вот попытался подсечь врага шестой, но только воздух напугал циркульным выбросом ноги.

– А ребята не вписались. Между трех огней. Администрация, Пиночет со своими шестерками, ссученные тоже обозлились почему-то. Я так думаю: хана ребятам. – Дедуля опять поежил драный фуфан (в Обуховской колонии это слово обозначало фуфайку) и замолчал.

Разбор становился все серьезней и серьезней. Пара урок уже умывалась кровью. Еще один валялся просто так.

– Мочилово! Мочилово! – истерично повизгивал кто-то в толпе зрителей.

А Пеплу было плохо. Мочили именно его. Пиночет, возмнивший себя диким вепрем, метил вгрызться в кадык. Вырубленные бойцы мешались под ногами. Мужики робко прятали ухмылки, любуясь на распластавшихся авторитетов. Коля оторвал голову Пиночета от шеи Пепла и, держа заводилу за уши, потащил к стене с явным намерением вражью голову об эту стенку и размочалить. Волочащееся следом туловище, как могло, сопротивлялось. Пепел подхватился быстро, хотя и с некоторым трудом. В правом боку было горячо и мокро. Сколь конкретно его пырнули, Пепел пока не оценил, но кровь хлестала, и очень настойчиво.

– А помирать нам рановато... – Пепел, насколько позволяли скудные слухи, просчитывал ситуацию. Хозяин, кум, замполит? Какая-то гнида из этой святой троицы его, Пепла, как минимум, невзлюбила. Не просто так, ибо Пепел не жаловал их всех вместе взятых. И сделать неугомонного Сергея яблоком раздора между вориками являлось делом чести и для начальника зоны, и для начальника оперчасти, и для какого-никакого замполита. С вориками все понятно – элита. Все в черном, перекрашенном с серого – ушитые штанишки, пидорка, пресловутый фуфан. И понятно, почему эта элита его так загадочно-заказано пытается замочить. А гребаная администрация в лице невидальки маячащих окаянных чекистов на все забила болт. Расклад в пользу кладбища.

И у Пиночета, и у ссученных с волей было все нормально и прокуклено. И с едой, и с наркотой. Видимо, Пепел просто не вписался. Никуда.

И, понимая, что зарабатывает этим второй срок, Сергей начал убивать. Коле повезло меньше. Пиночета он до стенки дотащил, но обработать не успел. Кто-то маленький и неприметный чиркнул по Колиной шее серым железом. Колян взглянул на Пепла каким-то проси-

тельным взглядом, свалился на пол и захрипел-забулькал. Рванул рукой воротник и затих. Только крестик нательный поблескивал в разжимающемся кулаке...

...А теперь крестик матово отсвечивал в разжимающемся кулаке у Пепла. Но заковыка в том, что адреса матери-старушки Пепел не знал. А знал Толик Обормот. И этот Толик уже месяца два как откинулся.

Сергей взял телефонную трубку и по памяти выплясал пальцем номерок дамочки, у которой нынче обретался корешок. Корешок настолько, насколько у Пепла возможно, то есть не дальше «привет-привет и разбежались».

– ...Нет, он цветов не дарил, но все равно галантный по последней черте, – домурлыкала подружка Обормота невидимой собеседнице, и уже в трубку: – Алло, алло, слушаю вас?

– Анатолий дома? – бесцветно процедил Сергей.

– Ну, что вы? Как он может быть дома, когда сегодня такой грандиозный концерт?! Вы не в курсе, что Толик – старинный приятель Фарта? Вы слышали песни Фарта? Прочат, что буквально через пару лет Фарт затмит самого Михаила Круга! А Толик с Фартом очень дружны. Толик рассказывал, как пацанами к ним на Лиговке пятеро гопников завелось. Ха-ха-ха. И еще они вместе с Фартом по малолетке гоняли шпану на Гражданке. А теперь Фарт позвал Толика в телохранители. Не шахтерской шестеркой, потому как кто в здравом уме на Фарта-то потянет? А чтоб повод вместе водку уговаривать. Так что сегодня Толик в Ледовом дворце. А кто это говорит? – вдруг опомнилась болтушка.

– Все говорят, – оскалился Сергей и брыкнул трубку. Впрочем, ненадолго. Память Пепла была выдрессирована бурой и трынкой¹, и хранила любую вскользь услышанную цепочку цифр, как в сейфе. Тем более не стерся несколько минут назад по магнитоле объявленный телефонный номер.

– Алло? Это «Радио Петроград»? Это вы билеты на халяву обещаете тем, кто в «Крестах» шарит? Тема еще работает?

– Одну минуту, я вас переключу, – чирикнул девичий голосок.

И вдруг Пепел одновременно услышал голос диджея и из магнитолы, и из телефонной трубки. Привыкший не маячить на свету Пепел заерзал, но не пасовать же?

– Алло, вы хотите попробовать свои силы в викторине? – бодренько завибрировали два одинаковых голоса с разных сторон. – Напоминаю всем нашим радиослушателям неразгаданный последний вопрос. Как отчество архитектора «Крестов», сколько всего тюрем по его проектам построено по матушке-России, и на какой контингент первоначально рассчитывались «Кресты»? А теперь слушаем ответы. Как вас зовут?

– Сергей. – Пепел не стал заводится, что диджей мухлюет и за один вопрос лепит уже третью загадку. Коль рыпнулся в чужую игру, до поры терпи и чужие правила. – Архитектора звали Антоний Иосифович Томишко. По его чертежам в России построено двадцать три тюрьмы, а в «Крестах» по замыслу должно париться зараз не более тысячи ста пятидесяти бродяг.

– Грандиозно! – ошалели одинаковые голоса в трубке и по радио. – Откуда такие фундаментальные познания в этом вопросе?

– Книжки² надо читать! – отмазался Сергей.

Опытный диджей смекнул, что попал не на простого человечка, и шоу здесь не выгорит, посему свернул треп:

– Сергей, не ложите, пожалуйста, трубку, сейчас с вами свяжется наш менеджер по внешним связям, а пока я предложу вам выбрать песню, которую вы хотели бы услышать.

¹ Карточные игры.

² Данные взяты из книги Алексея Щербакова «Тюрьмы России». Изд. «Крылов».

– «Черный ворон», – как бы само собой спрыгнуло с языка; Пепел даже прибалдел. Откуда «Черный ворон»? Почему «Черный ворон»? Ладно, проехали.

По магнитоле уже плыло растяжное:

*– Черный ворон, что ж ты вьешься
Над моею головой?
Ты добычи не дождешься.
Черный ворон, я не твой...*

А в прижатое к телефонной трубке ухо чирикал миленький девичий голосок:

– Билет будет вас ждать на служебном входе в Ледовый дворец. Вам останется только назвать свою фамилию. Как вас зовут?

– Сергей Ожогов, – сказал Пепел. И сразу пожалел, что так звонко прописался, поскольку привык без лишней надобности паспортные данные по чужим ушам не развешивать. Надо было что-нибудь соврать. Вряд ли кто-то в тамошнем бардаке пожелает заглянуть в паспорт.

– Так и записываю: «Сергей Ожогов». Всего хорошего, желаю получить грандиозное удовольствие от нашего концерта, – пропела милашка и отключилась.

А Пепел в две минуты собрался и, презирая лифт, поспешил вниз. Выбивая подошвами мотив:

*Бегут деньки,
Бегут неведомо куда.
Зовут меня
Туда, где в дымке зеленеют города.
А я ушаночку поглубже натяну...*

Погода радовала. Морозная лагерная пыль, которая его шершавила десять лет, осталась где то далеко-далеко. А солнечный субботний день – вот он, здесь, за дверью. И в этот день вступал крепкий парень, на вид лет тридцати пяти, причем, заметьте, не наркоша, не туберкулезник, а очень даже и очень... Мышца самодовольно поигрывала под футболкой, рот растягивала мальчишеская улыбка – Пепел радовался жизни.

Спустился по лестнице, перепрыгивая через ступени. И широким жестом распахнул дверь парадной. И еле успел ее придержать, что бы не сбить с ног соплюшку, которая пыталась наклеить на внешнюю сторону двери объявление. Отшатнувшись, кроха испуганно прижала к груди бумажку, и та затрепетала на ветру бахромой отрывных телефонов.

– Извини, лапуня. – Пепел искренне запереживал за детский испуг. – Давай малявочку приклею, а то с твоим ростом только кошке прочитать удастся.

Девочка молча протянула объявление. Пепел прихлопнул его к двери, некоторое время подержал, чтоб клей прихватился, и, отняв руку, прочитал старательные детские каракули: «Улетел умный старый ворон. Меня любит, других нет. Помогите. Награда с гарантией».

– Так вот чей пернатый умник раньше срока хороших людей будит? – Пепел неумело погрозил пальцем. – Как же ты его упустила?

– А он и не спрашивает, если ему надо, – серьезно сказала девочка, – Он просто чувствует.

– Чего это он чувствует? – удивился Пепел.

– Беду чужую!

Звонкий детский голосок так саданул по ушам, что Пепел вздрогнул. И посмотрел на стрекозу уже другим взглядом. Своим цыганским взглядом, как учила старая Рада.

Сандалики дешевенькие. Джинсики потрепанные, слишком просторные, похоже – от старшей сестры. Пыль на джинсиках серая, дворовая, здешняя. На цыплячьей шейке фенечка из бисера – лишнее свидетельство, что есть у соплюшки старшая сестричка, какая-нибудь хиппушка лет четырнадцати. На руках чернильные пятна, ну, понятно, телегу про ворона чернилами выводила. Хотя вроде как дети давно предпочитают фломастеры, а не перьевые ручки. У носа царапина, а в глазах великая серьезность.

Такими серьезными бывают дети, когда повторяют слова взрослых, не шибко понимая смысл. Значит, зря Пепел дернулся. Но второй уже раз за сегодня форс был похерен. И опять из-за «Что ж ты выешься над моею головой».

– Так что знайте, – добавила кроха вслед Сергею, – награда с гарантией.

Пепел растерянно кивнул и излишне быстрым шагом пошел к своему жигуленку. Точнее, не совсем своему, ну да все равно спасибо... Главное, ксивы в порядке.

А потом были прокопченные выхлопными газами улицы и выпученные красно-желто-зеленые зенки светофоров...

* * *

Незванные гости явились не грабить, хотя квартира производила неизгладимое впечатление. Она поражала великолепием. Размахом. Выверенным сочетанием вещей, когда каждая, как в музее, на своем месте. И ничего лишнего, пусть вещей этих в каждом углу сорок сороков, и любая вещь сумасшедших денег стоит. Квартира будто пыталась подавить незваных гостей. Не только форсом прижившегося ценного барахла, но и собственной барскостью.

И начхать, что такой стиль по моде нынче вытеснили евроремонты, шершавые обои и джакузи. Чувствовалось, что новомодная суэта данному, пусть выцветшему и полинявшему, богатству все равно в подметки не годится. Далекие потолки с шикарной лепниной, монументальная резная мебель с графскими вензелями, гордящийся изразцовым молочно-голубым орнаментом настоящий камин, в котором вишневыми тлели ароматные угольки, наборный паркет, занесенный, как снегом, лохматыми коврами...

– Эрмитаж! – Клепа восхищенно цыкнул, поковыряв пальцем интимное место у бронзового подсвечника, изображающего обнаженную нимфу. – Люблю тебя... творенье, блин... течение, блин... гранит, блин... Зенит...чемпион, блин!

– Не юродофобствуй, – Клепе отвесили шутливый подзатыльник, – и Пушкина не опошляй. А то хозяин обидится. Он начитанный, собака.

Говоривший повернул свои черные масляные глазки к центру комнаты, где находился упомянутый хозяин, аккуратно полураспятый на огромном дубовом столе. Именно полураспятый, поскольку сочащиеся кровью ладони его были прибиты палубными гвоздями, а ноги пока еще только привязаны. На таком столе можно было в футбол играть, не то что человека терзать. И когда жертва ерзала от боли, только мелодично позвякивали свободно телепающиеся медные ручки на многочисленных выдвижных ящиках и ящичках.

– Ну, Семен Моисеевич, – масляные глазки весело сверкнули, – веришь, что распятие – это не просто боль, а нечто большее? Чувствуешь себя способным молитвы сочинять? Еще, не дай бог, вознесешься?

– Пина, попроси, чтобы гвозди вытащили. – Лежавший пытался говорить, а не стонать. – При чем здесь вера? Зачем изгаляться? Пина!!! Попроси, чтобы вытащили гвозди.

На самом деле Семен Моисеевич, несмотря на жуткую боль, голову не терял. Страшнее, чем физические страдания, были муки душевные. Сам себя перемудрил ушлый Семен Моисеевич. И хорошо, Пиночет еще не знает, что земля у него под ногами горит во многом

именно благодаря стараниям Моисеевича, а то б точно последние минуты оттикивала жизнь старого барыги.

Но, черт побери, как бездарно вляпался Семен Моисеевич! Стал играть в опасную игру и не продумал реакцию противника на три хода вперед. Теперь оставалось пожинать плоды.

– Во-первых, Пина я только для друзей и девушек, – заметил говоривший, – а для тебя, радость ты моя пархатая, я просто Пиночет. В-четвертых, давай оглянемся по сторонам и еще раз оценим обстановку.

Обстановка Семена Моисеевича порадовать не могла. В комнате, кроме хозяина, находилось семь человек. Веселый распорядитель всего происходящего Паша Поляков (он же Пиночет) нависал над лицом жертвы, тряс смоляными кудрями и откровенно скалил зубы. Три небритые шестерки (Семен Моисеевич был с ними знаком: Клепа, Шелест и Байбак) тишком шарили по шкатулкам, набивая карманы мелочевкой, и без команды Пиночета не решались вскрывать паркет в поисках тайников с царскими червонцами. Еще два отморозка, которых хозяин уже не имел чести знать, косились по сторонам с аскетической брезгливостью и сидели на стульях, держа спину прямо, будто оглоблю проглотили, и чинно сложив руки на коленях.

Незнакомцы пугали хозяина квартиры крепче всего, потому что не зарились на чужое добро. А жизнь научила Моисеевича пуще сторожиться тех, чьи мотивы непонятны. Братья не братья, но очень похожие. Крючковатые облупленные от солнца носы, обкарнанные абы как патлы, глаза, будто болотная муть в них колобродит, сутулые плечи. И одежда малопрезентабельная. Внесезонные ветровки, бурые мятые брюки да резиновые сапоги с подвернутыми халявами. Очень странная парочка.

А у решетки камина, пристегнутая трофейными ментовскими наручниками, полулежала дочка Сонечка. Глаза от страха безумные, тушь потекла, щеки опухли, не привыкла девочка к таким виражам судьбы. Рыжие косы копной, на щеке глубокая царапина, досталось бедной девочке от рук бандитов. Слава богу, она была одета (спортивные шаровары, футболка).

Не грабить расчудесную квартирку заявили гости, оттопыренные карманы не в счет, это ж не грабеж, а нечто вроде тримминга³. А то бы давно пришили и раздели. Его убили, ее раздели. Семен Моисеевич уже не обращал внимания на боль в пробитых ладонях.

Пиночет меж тем подмигнул Байбаку. Тот улыбнулся азиатскими щелочками, подобрал молоток, пару гвоздей, подступил к пускающей от страха пузыри, не способной слово выжать, только икающей девушке, присел рядом с ней на ферганский ковер, раздвинул отнявшиеся от страха ноги пленницы и уставился на Пиночета, ожидая дальнейших приказаний.

– Семен Моисеевич, – Пина за волосы приподнял голову лежавшего так, чтобы тот ничего не прозевал, – я тут недавно выяснил, что перевод Гамлета не совсем верен. Оказывается, он не втирал Офелии, что, дескать, приятно находиться у ног женщины. В подлиннике это звучит: «Как приятно находиться между ног женщины». А теперь угадай, жидяра, куда мы ща гвозди забивать начнем?

Будь на месте Пиночета кто-то другой, Семену Моисеевичу оставалось бы только наспех перевероршить в памяти прожитые годы и помолиться, прося у Всевышнего прощения за наиболее гнусные поступки. Потому что серьезные люди, добившись своего, вряд ли оставили бы источник информации на этом свете. Однако Пиночет был отморозком из отморозков, для него указом не являлись ни понятия, ни доводы рассудка. Именно поэтому на Пиночета по городу среди крутых людей была объявлена негласная охота. И именно поэтому

³ Парикмахерская операция по выщипыванию лишней шерсти у некоторых пород длинношерстных собак, чтобы новая шерсть лучше росла.

свои шансы выжить после того, как выдаст требуемое, Моисеевич расценивал в пределах «пятьдесят на пятьдесят».

– Пиночет, не надо. – Лежавший уже с ненаигранным ужасом смотрел на дочку. – Тот, кто вам нужен, сейчас в Ледовом дворце. Офис на втором этаже, номер не знаю. Акела там арендует площади от имени какой-то фирмы-однодневки, я поленился запоминать. Там его ищите. Пина, пусть этот отойдет от Сони!

– Все-таки глупый народ вы – евреи! – Пиночет поскреб кудри на затылке и с умыслом дернул Семена Моисеевича за прибитую руку, как бы в наказание. – К тебе пришли хорошие знакомые, задали простой вопрос, и вместо того, чтобы просто ответить, ты, старый дурак, создал проблему. Ну, не убивать же тебя теперь, а вдруг ты соврал? Где мы потом правды доищемся?

– Он не врет. – Один из молчавших до того крючконосов медленно привстал. – Акела часто мотался на Большевигов⁴. Жаль, куда именно ездил, мы до сих пор не знали.

Теперь Моисеевич смекнул, что за странные молчуны прибились к компании Пиночета. Но в данный момент открытие не обрадовало. Сейчас должно было решиться, оставит отморозок Пиночет жизнь старому барыге или отнимет. Отнимет или оставит, как всегда шутя и посмеиваясь над собственными шуточками? Все зависело от того, что Пиночету покажется забавней. Не логикой руководствовался Пина, а чувством юмора.

– А, кстати, я вас не познакомил. – Пиночет шутил уже скомканно, поскольку здесь вопросов больше не осталось. Все, что требовалось, старый еврей уже сообщил. – Это Фрол. Вы с ним чем-то похожи. В твоём случае Христос отторгнут, в его случае отвергнут. Они с братом из той же секты, что и их милейший сенсей, он же гуру, он же владыко, он же Акела. Неважно, хоть груздем назови, только в баланду не суй. Главное, координаты указаны. Мы едем, едем, едем, веселые друзья!

Последняя фраза относилась к остальным присутствующим. Байбак с видимым неудовольствием отодвинулся от девушки и по шоферской привычке сунул в карман ненужные теперь гвозди. Клепа тупо и покорно засмеялся. Шелест перестал с вождением пялиться на хрустальную люстру. Братья встали во весь рост и расправили плечи. Теперь они выглядели еще грознее.

– Байбак, ты правильно расстроился. Нельзя оставлять девочку с папой-инвалидом. Забирай добычу, аксакал. Она будет нашей сывороткой правды, гарантией, что папаша не соврал. Ублажишь, назначу акыном.

И только в этот момент старый барыга понял, что проиграл не полчаса назад, когда пустил Пиночета на порог, а еще тогда, когда при знакомстве принял Пиночета за безумного отморозка и не разглядел, что это лишь хорошо подогнанная маска. А под маской скрывается некто весьма умный, весьма расчетливый и весьма здравый.

Байбак обрадованно щелкнул лежавшую пленницу ногтем по носу, отстегнул наручники и легко закинул на плечо потерявшее волю тело. Гортанный хрип Моисеевича остановил всех. Отодрав с мясом руки от стола, старик резко крутнулся, сверзился на пол и ужом пополз к пухлому как бегемот кожаному дивану, предмету не антикварному, но тоже стоящему очень солидных денег. Сунув под диван окровавленную пятерню, отец Сони выудил обросший пыльной бородой пистолет. Клепа, не перестав глупо лыбиться, выхватил ствол той же марки и успел выстрелить первым. Кислый дым запершил в глотках.

– В девяточку, – равнодушно заметил Пиночет. – А теперь действительно уходим. – И носком сапога вывернул из камина на роскошный ковер горсть вишневых угольков. Его не рискнули послушаться, хотя Клепе, Шелесту и Байбаку, судя по ромам, мечталось пошарить по сусекам гораздо пристальнее. – Кстати, Шелест, ты сейчас скоренько смотаешься

⁴ Ледовый дворец спорта находится рядом со станцией метро «Проспект Большевигов».

в «Гриль-мастер» на Невском напротив Гостинки. Там за третьим столиком от входа будет сидеть с газеткой человек с пышными усами. Скажи ему, что Моисеевич был, да весь вышел. Пусть теперь люди его наследством займутся, да нас в покое оставят. А потом возвращайся, знаешь куда.

Шелест равнодушно пожал плечами, дескать, будет исполнено.

Однако Моисеевич умер не сразу. Когда незваные гости с пленницей покинули квартиру, он пополз не к камину тушить курящийся дымком лохматый ферганский узор, а к приземистой тумбочке века эдак восемнадцатого, с единственно неуместной на общем фоне вещью современного дизайна – телефоном. Семену Моисеевичу приходилось очень тяжело, за ним на ковре оставалась дорожка кровавой росы, но смертельно раненный человек упорно карабкался вперед. И дополз. Сгреб аппарат на пол, прижал к уху трубку, перекосившись от боли, набрал нужный номер и захрипел из последних сил:

– Майор, они все узнали. Они туда уже едут. С ними Сонечка. Помоги!

Перед самой смертью он слышал слабый, будто далекий, стук. Стучали в окно. Сквозь застилающую глаза и набирающую сок пелену небытия, сквозь расползающийся перед лицом по ковру дым Семен Моисеевич увидел огромного ворона, который топтался на подоконнике.

* * *

Когда Пепел нарисовался у Ледового дворца, до начала концерта еще оставалось минут тридцать. Служебный вход Сергей нашел без проблем по толпе потных и вроде как мающихся без дела граждан с серыми цепкими взглядами. У Пепла, если надо, глаза умели сверлить во сто крат круче, но здесь было не надо. Здесь, наоборот, он притушил фитилек по максимуму и стал невзрачным, будто водитель троллейбуса.

– Сергей Ожогов? Это какая организация?

Сергей подчеркнуто робко промямлил, что победил в радиовикторине. Ему выдали картонный прямоугольник-бирку с «Fm 100,9» и тесемку, чтоб таскать этот мандат на шее. И Сергей по-свойски ступил в предельно незнакомый для себя мир, с героями которого он лишь изредка пересекался за карточным столом.

Угодивший в незнакомое место зверь норовит перво-наперво забиться в любую щель, оттуда осмотреться, и только потом уже начинает детальное обнюхивание углов. Именно так и подмывало поступить Пепла, поэтому он включил кураж и стал вести себя, будто главный.

Только появился ментовский начальник и сероглазые построились в две шеренги, Пепел, чуть ли не растолкав строй, занял удобное место и выслушал пространный и пустой инструктаж. Тех, мол, не пущать, а этих, мол, осаживать. Все это происходило на пыльном, со всех сторон окруженном дверьми, пятачке. А двери вели какая куда. Одна во внутренний буфет, другая к кабинетам администрации. Третья, и самая дебелая, к сцене.

Потом из-за пропитанных запахом канифоли кулис Сергей оглядел неожиданно огромный без публики зал. Рядом в сумраке препирались:

– Ты понял, только три песни?!

– Но сам же сказал, что Чижа не будет, а у меня песни по две минуты.

– Я тебе русским языком толкую, не я хозяин этого концерта. Поэтому три песни – и никаких!

Вбок по коридору нервно дымили хлопчики в коже. Прислушиваться и ловить знакомые по эфиру тембры в рождаемом ими гаме было бесполезняк, по вдавленным плечам и скукоженным спинам сразу читалось, что это не масть. Не телаши, скорее обслуга из прибогемненных, потому что хайры длинные, футболочки в иностранных матюгах и все уши в пирсинге. Резко то и дело хлопала дверь сортира за их спинами. Еще дальше виднелась про-

зрачная дверь пожарного выхода, запертая на три запора. Шипели окурки «Парламента» и облегченного «Мальборо» в гильзоподобной урне. Шмалью пока не припахивало.

– Не подскажите, где можно найти Фарта? – поймал Сергей за рукав типового хлопчика. Патлы до плеч, кожаные штаны гармошкой, рубашечка просторная и пестрая, будто пончо, на гоп-стоп снятое с плеча индейца майя. На пальце дешевый перстень с каким-то чмом вроде ацтекского божества.

– Нет, ну разве не наглость? – лениво зашевелил челюстью хлопчик, поднимая на Сергея бесконечно длинные, убойно действующие на первокурсниц медучилища ресницы. – Предлагать мне за четыре куплета сотку баков? За сотку баков пусть вам тексты Олег Соломенко пишет! А он мне еще морду корчит, говорит, что второй куплет – фигня. Сам он фигня, и его подпевка – фигня полная. С такой подпевкой пусть сам себе рыбу и сочиняет!

– Это Фарт, что ли?

Хлопчик, прежде чем ответить, внимательно впитал содержание бирки на шее Пепла – «Fm 100,9» – и принял за кого-то другого.

– О, знатный концерт у вас получается! – залебезил хлопчик. – Аншлаг гарантирован. Меня тут занесло на «Бои без правил», так там всего ползала зрителей натикало. У вас же совсем другое дело. Меня зовут Виктор, Сунчелеев – моя фамилия, я – текстовик. Про Аль Капоне песню слыхали: «Как рано он предал семью, печальная история...», это моя песня. А еще я представляю журнал «Аперитив». Я хочу сделать цикл статей о идеологии шансона. Я хочу показать, как много этот жанр значит для России... – Хлопчик невольно проводил жадными глазами девуцу с заваленным бутербродами подносом (Пепел не справился отгадать, что больше зацепило хлопчика – девушка, или бутерброды?) и наконец заметил, что его энтузиазм не находит спроса. – Фарт? Фарт где-то дальше по коридору. Как вы считаете, он реально сможет потеснить в рейтингах Михаила Круга? – И уже в затылок удаляющемуся Пеплу: – А как вы объясните, что Чиж сегодня отказался выступать?..

Далее по коридору было шаром покати, только на дверях маячили скотчем прилепленные бумажки: «Лесоповал», «Круг», «Чиж», «Катя Огонек», «Шелег»... Вроде гримерные, или как там в разудалом мире шансона это называется? В глубине души Пепел не отказался бы столкнуться нос к носу с кем-нибудь из тузов, правда, по рожам он никого не знал, верил в собственную проницательность, дескать, глянет и узнает, кто тут – Жаров, а кто – Трофим. Но за дверьми пряталась тишина. И в коридор никто не выскакивал. Неожиданно шумный, мимо, к обжитым местам проспешил увешанный полиэтиленовыми мешками человек, а из мешков плыл низкий бутылочный звон – все для фуршета. Но вот Пепел узрел забившегося в угол и щипающего струны гитары одиночника:

*– ...Тихо-тихо подъезжала крыша,
Аргументов вражеских не слыша.
И решили, типа бабки должны
С той стороны...*

– Данный голос в рейтингах не числился.

– Фарта не видели? – окликнул Пепел солиста.

Солист поглядел на Сергея рассеянно, и даже не на него, а как бы сквозь него, поглядел и промолчал. Только две руки безвольно свешивались с гитары, как будто он их положил и забыл.

– Прошу прощения, не подскажите, где тут можно найти Фарта?

– Вы ко мне? По какому вопросу? Слушаю вас? – Голос у одиночника был не от мира сего, и однозначно он лгал. Не слушал он никого и не видел. И вообще, ему сегодня ни до кого не было дела. Любой самый настырный поклонник шансона просто обязан был

врубиться, что гробит чужое драгоценное время, и может быть, именно из-за настырных поклонников самый великий хит всех времен и народов так и останется не воплощен ни в аккордах, ни в словах.

– Фарт заявил, что будет петь на три песни больше. Из нового альбома. Я иду его успокаивать, – поставил враньем на место непризнанного гения Пепел. – Фарта не видели?

Солист, наконец углядев бирку, посчитал за разумное вступить в диалог. Правда, сморщился, как академик на овощебазе, дескать, его отрывают от сладкого творчества:

– Подумаешь – Фарт. Он у меня все аккорды спер. Не знаю, почему вы все так с ним носитесь. Ни голоса, ни манер, ни престижа. И вообще – алкаш последний. Хотите, я вам свой новый хит напою? Уж всяко это в три раза круче Фартовских «От тебя ржавеют даже рыжие кольца...» Может, это не ему, а мне на три песни положено больше спеть?

Сергей двинул дальше по коридору, а во след ему продолжали бубнить, постепенно входя в раж:

– Все поехали на этом Фарте, а он натурально петь не умеет. Тоже мне – звезда с большой дороги! Может быть, у меня три новых альбома на подходе. Может быть, меня Вилли собирался в Штаты на гастроли пригласить!..

Бумажные прищепки кончились, а коридор, уныло заворачивая по кругу, все продолжался. Попадались запертые прозрачные двери. За ними уже было фойе. В полной боевой готовности за прилавками топорщили накрахмаленные передники буфетчицы, отгоняя мух от бутербродов. Да ошивались стайками опять же менты, только уже в мешковатой, будто с чужого плеча форме. Срочники, причем, наголо стриженные первогодки.

Пепел лениво топал-топал, мимо ящиков с пожарными рукавами, мимо убегающей наверх лестницы, мимо чистеньких необшарпанных стен, пока не уперся в толпу коренастых мужиков в ярких пиджаках. Четверо поддерживали шаткие малярные козлы, чтоб пятый не грохнулся сверху. Третьим в четверке аккуратно оказался разыскиваемый Толик.

– Эй, братан, доллары не продашь? – начал было Толик, но узнал приближающегося. – Да это же Серега Пепел! – взвизгнул Толик, и опасная вороватая маска на его роже рассосалась. Теперь физия Толика излучала безграничное радушие. Радужно топорщился острый нос, дружелюбно кривились губки над длинным острым подбородком, мирно выступала алкогольная испарина на высоком, очень белом лбу. И как таких бабы любят? Впрочем, не Пеплу было завидовать.

Толик Обормот отделился от толпы навстречу, а за его спиной успокоенный вожак стаи, угрюмый и красноречивый от водки крепыш в невообразимо ярком изумрудном клифте и оранжевом галстуке, явно пресловутый Фарт, продолжил клеить под потолком из обрывков зеленых купюр шкодную надпись: «Здесь был и т. д., и т. п.»

– Какие люди, и без охраны? – раскинул руки Обормот, но обниматься не полез, а жарко зашептал, придвинувшись и дыша перегаром: – Серега, не в падлу! Спроси у Фарта автограф, а то он совсем озверел, уже два часа, как у него автограф никто не кланчил. Теперь вот стены со злости пачкает, потом телеоператора придется заманивать, чтоб в новостях показали. – И тут же без перехода: – Водку будешь? – Толик хлопнул по карману сиреневого пиджака, где булькала ополовиненная и не закупоренная литровка «Флагмана». – Кстати, приценись, какую ксиву достал. – Толик протянул приятелю багровые корки с золотым тиснением «Управление делами президента». – Есть в наших рядах умелец, хочешь, я тебе такую же за сотку бакинских устрою?

– Через дорогу в ларьке такие по тридцать рублей взвешивают, – отрезал Пепел. – Я тебя вот чего искал. Ты Коляновы адресок помнить должен. Ты вроде с какой-то дояркой из той же деревни переписывался на тему: я разочаровался в людях, но не в женщинах.

– А тебе зачем? – хитро прищурился Толик, – Тоже на парное молочко потянуло? Не свирепей. Шутка. Совсем ты, Пепел, шуток не понимаешь. Водку будешь? Только ради

нашей дружбы, попроси ты у Фарта автограф, а то он еще с психов концерт сорвет. А это приличные бабки. Или хотя бы пару сотен зеленых скинь по выгодному курсу, а то у Фарта буквы кончаются.

– Ты мне адресок Коляновской мамани скажешь?

– Баш на баш. Я тебе адресок, ты у Фарта автограф, а то перед гением неудобно, типа подваливают мои кореша и им не интересуются. По рукам?

– По крабам, – ухмыльнулся Пепел.

Балансирующий на шатком помосте Фарт успел выложить из долларовых обрывков аппликацию «Здесь был», а дальше зеленая бумага кончилась. Фарт с надеждой покосился на шушукающихся помощника и незнакомца. Толик Обормот выволок перед налитые водкой шары растрепанную записную книжку:

– На букву "С"! – зачем-то подчеркнул он и зашелестел страницами. – Стариков. Стариков. Стариков... Кстати, может, тебе его мобилу дать, на фига тебе деревенский адрес, Коля в Питере не кисло прижился, может, и потрясти пора, чтоб корешей не чурался?.. А я погляжу, ты тоже шоколадно прописался, – кивнул приятель на бирку. – При радио телашом выступаешь?

– погоди. Какой еще Стариков? Мне адрес Позитрона нужен. Коля Позитрон. Коля Поплавский. Вспомнил?

– Этот? – очень удивился пьяный Толик. – А на фига тебе адрес Позитрона? Он же почитай как червонец назад ласты склеил!

– Должок, – коротко отмерил Пепел, и Обормот предпочел удовлетвориться объяснением.

– Этого я конкретный адрес не помню. Так, приблизительно, на шестьдесят пятом километре, в направлении Волховстроя. Деревня Бердники. Эй, Пепел, ты же обещал взять автограф!

– Я не обещал, что сделаю это именно сегодня, – бросил удаляющийся Сергей через плечо. – Поговорим, когда твой Фарт реально на орбиту выйдет.

Все, прогулка сдулась, ловить здесь больше нечего. Не ломануть ли в натуре пока на свежий воздух, авось где-нибудь рядом сыщется приличная шашлычная, и Пепел убьет за столом часок? А потом, когда придет черед выступать на сцене мэтров, Сергей, как белый человек, победитель радиовикторины, завалится в зал и послушает концерт в полный рост? Это Сергей уже прикидывал, возвращаясь по коридору. И тут его зацепила лестница наверх. Потому что у урны-пепельницы меж этажами корчилась скомканная игральная карта. Причем, с рубашкой, какие любят хозяева казино. А ведь Пепел по дороге сюда ее не засек, а значит, и не было здесь этой карты раньше, глаз у него – алмаз.

Подстегиваемый любопытством Пепел мягко протопал наверх и очутился в точно таком же коридоре. Разве что таблички на дверях здесь были не одноразовые. И все таблички были как таблички: «Мелешко С. Ю.», «Суслова А. А.», «Гарманова Ж. И.», кроме одной, весьма загадочной – «Тотал. клуб». Может быть, тотализатор?

Сергей улыбнулся, облизнул губы и зацепил пальцем дверную ручку. Не заперто. Пепел изобразил на портрете невинное любопытство плюс дружелюбную улыбку и вошел.

На обыкновенных офисных черных столах гудела разнообразная компьютерная техника. За сияющим монитором, сгорбившись, будто стараясь спиной загородить картинку, и чуть ли не шаркая носом по экрану, шустрил мосластый громила в черном раскаленном и пропитавшемся потом костюме. На экране маячил развернутый конверт электронной почты, какие-то слова, какие-то цифры...

Человек, будто затылком почуял присутствие Пепла, оглянулся. Роба у него была загорелая, причем не в Сочах, а где-нибудь на Карельском перешейке. Черная шерсть костюма лоснилась на локтях, вроде как шкаф имел привычку наваливаться на стол локтями, да и

работал он, очевидно, за столом. Интересно, в каких это должностях люди в такую жару преют в черных костюмах? Не иначе, похоронное бюро. Нижняя пуговица пиджака висела на честном слове, а рыжее кольцо на положенном пальце не наблюдалось – холост. Челюсть тяжелая и широкая – типа волевая.

Громила тоже с головы до ног срисовал Пепла и явно прокачал внешние данные в уме. И далее повел себя очень странно. Цокнул по клавиатуре, чтоб свернулась картинка на мониторе, вынул из компьютера дискету, сунул в рот, разгрыз и сплюнул, будто скорлупу ореха.

– Не подскажите, где здесь можно купить сигарет? – ляпнул Пепел и прикинулся совсем уж лохом, тем временем читая человечка, будто газету. Глазки блеклые, без азарта, пустые и прозрачные глазки, как у матерого душегуба. Рожа морщинистая. Пропеченная солнцем и выветренная открытыми просторами. Брови кустистые, колючие, привычные торчать дыбом. Кулаки пудовые, в бороздах шрамов – боец, партакет⁵ нет – не из блатных. Пальцы – сардельки, такими по компьютерной клавиатуре не больно-то и попадешь. В общем, далеко не офисный парниша. И обувь какая-то странная, не офисная и не магазинная. Сверхпрочная и пролаченная. В такой шикарно по тайге километры наматывать.

По всем статьям похож на механизатора, приехавшего в город за подарком агрономше на свадьбу (всем колхозом скидывались). Если бы не глаза убийцы.

Амбал, не отвечая на глупый вопрос, медленно-медленно встал; оказалось, он горбатился над монитором потому, что был горбатым по жизни. И вдруг этот «механизатор» из-под мышки, будто градусник, вытащил неслабую дуру, и только благодаря тому, что инстинкт поджег Пеплу копчик, дырка образовалась в стене, а не во лбу Сергея.

Застонали и брызнули в стороны стулья на колесиках, рухнула похожая на рогатину вешалка, загудел-завибрировал антрацитовый рояль в углу. Это Сергей, как мог, уходил с линии огня. И опять беззвучно плюнула огнем волына. Кажись, не чешская дешевка, а крутая «беретта», да еще с глушаком. Квакнул раздробленный пулей дверной косяк. Но внутри Пепла уже проснулся затравленный зверь, и эта тварь закрутила тело Пепла в мятник, которому любой краповый берет позавидует.

И вот уже Сергей вынырнул из волчка рядом с горбатым... Мимо просвистел пудовый кулак. Руки работали сами, подчиняясь не разуму, а инстинкту. Раз, два, три... Сергей перехватил чужую клешню с вросшей в нее «береттой». Чьи мышцы окажутся стальной? Блин, еще случая не было, чтобы Пепел проиграл, но горбун оказался многожилней. Тогда Пепел ударил кулаком другой руки по сжимавшему ствол кулаку. По нулям, мягче было бы пинать ковш бульдозера.

Заход за спину, ступней под колени, сложенными кулаками по затылку. А человеку-горе хоть бы хны. Незыблем оказался горбун, как пирамида Хеопса. Только периодически ядром свистит кулак, и Пепел успевает увернуться в последний миг; только опять пытается найти и проглотить Пепла огромное черное жадное жерло волыны.

И тогда Пепел метнул в дикообразными иголками взъерошившиеся брови какие-то бумажки со стола и поднырнул под нависающую громадину. И увидел Сергей уже оседающий труп с перерубленным ребром ладони горлом. Ведь зверь в Пепле всегда стремился убить с одного удара. С каждого, потому что шанса на следующий удар может и не выпасть.

Зверь наконец поджал хвост и забился в угол, потому что он не хуже Пепла соображал, как козырно они попали. Где можно приныкать жмура в незнакомом здании, в которое вот-вот набьются тысяч двадцать зрителей? А ведь Пепел засветил на входе свою реальную фамилию, да еще и сделал все возможное, чтоб глаза всем коридорным встречным-поперечным намозолить, так что незаметно ноги из концертного зала не сделать. Пепла по приметам

⁵ Тюремных татуировок.

вычислят и, если не повяжут на хате, как минимум, зарядят во всесоюзный розыск. Выходит, вот какую тухлую сюиту накаркал ворон.

Глава 2. Город мастеров

...Похищение человека – наказывается лишением свободы на срок от четырех до восьми лет. То же деяние, совершенное: а) группой лиц по предварительному сговору; б) неоднократно; в) с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия; г) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия... наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет... (Статья 126 УК РФ)

– Обещаю вам, что не пройдет и половины месяца, как у меня на руках будут реальные доказательства. Кто-то отправится в народное хозяйство, с кого-то посыпятся звезды, а кто-то и загремит за свои грязные делишки в места не столь отдаленные, – пугал москвич.

К тому, что вынужден выслушивать обвинения человека, равного по званию, майор Юрий Витальевич Кудрявцев относился философски. Люди делятся на два типа. Одни занимаются реальными делами, а вторые завидуют и пытаются поймать первых за руку. И нет разницы, из личного жлобства норовит ущучить майора Кудрявцева пришлый майор, или в рамках плана мероприятий примчавшейся из Москвы комиссии по борьбе с коррупцией.

– И последнее, – глядя свысока на собравших в спешно выделенном кабинете сотрудников Управления, среди которых отдувались даже два полковника, с затаенным презрением прогудел майор Горяинов. – Проверка длится всего неделю, но собранных фактов вполне достаточно, чтобы однозначно прийти к выводу...

И тут некстати у Кудрявцева закурлыкал мобильник. Причем, не ответить было нельзя ни в коем случае, потому что этот телефонный номер знали всего три человека. Изобразив покаятельную мину и виновато изогнув спину, Юрий Витальевич неловко выкарабкался и на цыпочках отсеменял в угол кабинета. Так нет же, Горяинов, прервав торжественную речь, сопел, буравил нарушителя ледяным взглядом и ждал, когда недоразумение закончится. Поневоле и понурые сотрудники Управления один за другим устали на Кудрявцева.

Кудрявцев прижал трубку к уху.

– Майор, они все узнали. Они туда уже едут. С ними Сонечка. Помоги! – Кудрявцеву хватило таланта не измениться в лице и деланно равнодушно занять свое место за длинным столом.

– На чем меня прервали? – в никуда бросил вопрос московский гость, прекрасно зная, что лейтенант Гречкин воспользуется поводом прогнуться.

– Вы говорили, что за неделю пришли к выводу...

– Да. Я говорил о том, что и без всяких комиссий лежит на поверхности. Коррупция в Управлении присутствует. Не надо недельной проверки, чтобы прийти к такому выводу. Достаточно взглянуть на стоящие во дворе машины. На какие шиши, спрашивается, могут приобрести новенькие «тойоты» и «форда» сотрудники вашего подразделения? – В голосе московского майора зазвенело почти искреннее негодование. Кстати, сам он приезжал в Управление на шестисотом. – Короче, с каждым будем разбираться персонально. Это все на сегодня, что я хотел сказать. – И Горяинов, брезгливо ни на кого не глядя, принялся складывать в папочку бумажки с лиловыми грифами и печатями.

Сотрудники заскрипели отодвигаемыми стульями. Айдар уже продувал беломорину, чтоб излить яд в курилке. Зашаркали подошвы. Кудрявцев ринулся на выход одним из первых, потому что услышанное по мобильнику жгло селезенку опасностью, и следовало срочно что-то предпринимать, а к подобной засаде Кудрявцев был совершенно не готов. Начав игру вокруг Пиночета, ни он, ни Моисеевич...

– Юрий Витальевич, попрошу вас задержаться на минутку, – не отрывая глаз от пакуемых бумаг и совершенно не громко, но прекрасно понимая, что будет услышан, пробурчал московский потрошитель.

А вот это было уже совсем плохо. Кудрявцев за неделю пригляделся к начальнику комиссии и с сожалением признал, что парень далеко не дурак. Поэтому сейчас Горяинов притормаживает Кудрявцева явно не ради мимолетной радости отомстить за паузу в выступлении.

– Барабанщик звонил. Наколочку по интересному делу давал, – демонстрируя виноватость, начал первым Кудрявцев.

– Мне это совершенно не интересно, – отчеканил московский проныра, хотя в глазах что-то мелькнуло. Кажется, соврал Горяинов. Очень похоже, его интересовала любая касающаяся Кудрявцева мелочь. – Я хочу с вами поговорить вот по какому поводу. Да вы садитесь, что вы ерзаете, как балерина на сцене?

Кудрявцеву пришлось занять место за столом. Его мозг лихорадочно просчитывал, о чем предстоит беседа, и щелкал вхолостую.

– Скажите, Юрий Витальевич, я правильно понимаю, что вы от Управления курируете петербургский рынок антиквариата?

– Не совсем так. Я занимаюсь только связанными с этой сферой уголовно наказуемыми мошенничествами. Кражи и хищения – не моя епархия, но это все указано в должностной инструкции и...

– Я ознакомился с должностной инструкцией. Лучше ответьте, как вы объясните, что по вашему отделу такая успешная статистика?

– Ну вот, приехали. Плохая раскрываемость – прокол. Хорошая раскрываемость – значит, давим на подсудимых. А если мало преступлений – еще подозрительней? Профилактика у меня хорошая. Профилактика. Кроме того, питерский круг антикварщиков гораздо тоньше, чем в Москве. Мало того, что все между собой знакомы, но они еще и досконально осведомлены о коллекциях друг друга. Налаженные контакты позволяют мне отшивать гастролеров, только те замаячат на горизонте.

И тут снова затрезвонил мобильник, только не у Кудрявцева, а у московского лихача.

– Горяинов, слушаю!.. Ясно. – Москвич убрал трубу в карман. – Дела такие, Юрий Витальевич, я вас больше не задерживаю. Мы продолжим этот разговор позже.

Кудрявцеву ничего не оставалось, как выйти вон. А мысли в голове были одна чернее другой. Этот московский прохиндей откровенно не знал, о чем говорить, но все-таки удерживал Кудрявцева в кабинете по какой-то причине. Очень плохо, если, пока они мило фехтовали словами ни о чем, другие люди из комиссии спешно выясняли, откуда был звонок. Так они быстренько доберутся до реальных занятий Кудрявцева. Понятно, комиссии нужны результаты, и очень может быть, что в качестве потенциальной жертвы выбран именно он – майор Юрий Витальевич Кудрявцев, такой из себя благополучный и независимый, что москвичам наверняка очень хочется буквально придушить голыми руками.

В курилке уже никого не было, только рассеивался ядреный беломорный чад. Майор ввалился в собственный кабинет и уже вознамерился плюхнуться в кресло, но вдруг замер. Так-так-так. Понятно, работали профессионалы, но кое-какие следы оставили. Вроде бы в беспорядке рассыпанные скрепки теперь не лежали в виде иероглифа «Чжу». А значит, пока майор пребывал на ковре, его кабинет подвергся кропотливому обыску. Далее привычная рекогносцировка объяснила майору Кудрявцеву, что шмон проводился планомерно, справа налево, и перетряхиванию подверглось буквально все. Даже плинтусы на предмет тайников простучали. Даже в сейф заглянули и взяли пробу из початой бутылки «Курвуазье». Но крепче всего гостей заинтересовали материалы по реализации конфисканта.

У Кудрявцева разом отлегло от сердца. Он действительно серьезно работал с конфискантом, но серьезно в правильном смысле, в том, в котором высокое начальство ждет от подчиненных. Вокруг на конфисканте грели руки все, кто ни попадя. Майор же – ни-ни. Потому что ожидал от различных проверок, что в первую очередь под него будут копать, больно уж тема удобная для мздоимцев.

И тут снова укололо сердце. За всеми личными заморочками он как-то забыл саму суть поступившего на мобилу тревожного сигнала. А ведь Моисеевич не просил – буквально зывал о помощи. Майор нашарил трубу и набрал номер старого барыги.

Двенадцать беспросветных гудков он вслушивался в эфир, а далее решительно, уже по служебному телефону, вызвал машину к подъезду.

Он опоздал. Из окон квартиры вился горький дымок, точно так же, как час назад в курилке Управления. Чумазные пожарники сворачивали шланги. Кто-то из соседей безнадежно возмущался, что его затопило, и весь евроремонт насмарку. Подходить к дежурящим поодаль местным ментам вперемешку с санитарами майор не рискнул, чтоб лишний раз не светиться. Достаточно, что краем уха уловил диагноз: «Моменту морэ». Прощай, старый жук-поделщик.

Юрий Витальевич круто повернулся и направился в подъезд противоположного дома. Второй этаж. Квартира двадцать четыре. Обитающей здесь даме Юрий Витальевич приплачивал из собственного кармана, потому что за Семеном Моисеевичем, пусть старинный приятель, требовался глаз да глаз. Иначе давно бы обвел Моисеевич майора вокруг пальца в той игре, которую они совместно затеяли.

Войдя, проверив, надежно ли захлопнулась дверь, и не здороваясь, майор Кудрявцев извлек из кармана стопку фотографий, с которыми не расставался последнее время, и веером развернул перед дамой:

– Кто?

– Я узнаю только вот этого, – ткнула дама пальцем в фото кареглазого Павла Полякова, в известных кругах носящего кличку Пиночет.

* * *

На мониторе символы превратились в муравьев и разбежались по углам.

Мысли метались внутри черепа с лихорадочно нарастающей амплитудой, оценивая нависшую опасность с разных ракурсов. Если дверь оставалась закрытой, то шум в кабинете могли и не услышать. Тем более, концерт уже начался, и музыка с той стороны гремела на всю Ивановскую. Правда, Пепел явственно фиксировал чьи-то шаги и голоса (что не радовало – второй этаж с началом концерта также ожил), но и это списывалось на обострившееся в момент опасности чутье человека-зверя, в которого сейчас превратился Сергей.

Лежащий горбун, испустив дух, будто бы съежился, будто бы вся сила, которую Пепел только что испытал на себе, не осталась закупоренной в могучем теле, а куда-то испарилась, скорее всего за облака.

Придут менты и очень развеселятся, выслушав сбивчивый рассказ о том, как бывший зэк ни с того ни с сего оказался в Ледовом дворце, чисто из любопытства заглянул в первую попавшуюся комнату и узрел там одинокого горбуна, который якобы просто пилился в компьютер. После чего горбун ни с того, ни с сего начал Пепла изничтожать всеми возможными методами, включая пальбу из ствола. Менты без базара такой лабуде обрадуются, треснут Пепла палочкой по почкам и увезут. Опять увезут на дюжину сентябрей.

В дверь пока никто не ломился. И, чтоб обезопасить себя от неожиданного визита, Пепел перво-наперво заклинил выход офисным креслом. Возникла идиотская мысль подхватить

терпили под руки и спрятать куда подальше. Может быть, засунуть под крышку шикарного рояля, который величаво маячил в углу? Но ведь не влезет верблюд одногорбый!

Однако верховодящий в Пепле загнанный зверь, не прислушиваясь к аргументам разума, заставил предпринять попытку, и тело жмурика тяжело опустилось на натянутые струны. Повезло, что труп не истекал кровью, иначе Сергей стал бы похож на мясника. Раздался звук, глухой и бездарный, горбун сыграл плохо, да и крышка рояля не закрылась. Удар крышкой по выпирающей плоти! Еще удар, еще, еще... Никак! Не желал жмур помочь Сергею. Или, наоборот, подсказывал, что это не выход? Что бречное тело скоренько найдут, и возникнут неминуемые вопросы?

Пепел обозлился окончательно, огляделся и попытался открыть окно, чтобы отправить покойника в последний полет. Ума в этом тоже не было ни грамма, любой патологоанатом на месте ткнул бы пальцем в координаты, откуда вывалился горбун, а далее менты вышли бы на Пепла в течение суток. Но Сергей пока мало что соображал, его длинным цыганским батоном подстегивала звериная паника.

Окно, слава Богу, не поддавалось. Прежде чем в запале расквасить стекло похожей на алебарду рогатой вешалкой, Пепел малость опомнился. Посадил психованного зверя на цепь и стряхнул остаточные спазмы паники. Уже не только ум, уже и сидящий в душе затравленный зверь сообразил, что старт из окна горбатого орла с предсказуемым приземлением (мозги пачкают асфальт) удивит присутствующих граждан козырно. И кто-нибудь обязательно разволпит громче, чем самая луженая шансоновская глотка.

Пепел прикусил губу. Потом понял, что все гораздо проще. Надо просто открыть дверь, выйти в коридор, найти Толяна, стрельнуть у того недопитую водку, окропить горбуна водярой по самые грызла и, прежде чем наступит трупное окоченение, как можно быстрее валить отсюда в обнимку с горбуном, разящим выхлопом за версту. На вопросы встречных глупо улыбаться, пьяно коверкать слова и икать. И уходить, уходить, уходить к люку на крышу, где жмурика можно будет поселить, авось месяцок на солнышке отзагорает, прежде чем найдут.

Показалось, будто бы кто-то осторожно подергал дверную ручку с той стороны. Чего только с паники не померещится.

Сергей выволок обратно тяжелое тело из-под крышки рояля, обшарил (только ключи от машины и никаких намеков) и устроил на полу в позе спящего. Пока сойдет. Пистолет валялся шагах в двух. Сергей решил к волюне даже не прикасаться, прежде чем надежно спрячет главную горбатую улику. Взглянув на пулевые дырки в стене, Пепел позволил себе самодовольно ухмыльнуться. Будь Сергей менее проворным и не прыгай, как голодный кенгуру, под прицелом этого непонятно на что окрысившегося урода, сам бы сейчас такой валялся. Но гордость прошла, а проблемы остались. Выжить – это только половина везухи, остальное нарисовано черными буквами.

Оттолкнув кресло и открыв дверь, Пепел даже не успел примерить безобидную улыбку. Потому что получил в собственный пятак и отлетел метра на два, аккуратно оказавшись рядом с горбуном примерно в такой же позе.

Из коридора напирала музыка:

*...А я укуранный иду по переулочку
И улыбаюсь на ходу, кусаю булочку.
А из окна еще как раз поет Патрисия.
За что преследует меня моя милиция?..*

Но не разудалая песня ударила Сергею в голову. За дверью толпилось народу в достатке, однако Пепел уставился на одного, и остальные потеряли актуальность. Если

учесть, что не видел Серега эту рожу пару лет, а вспоминал совсем недавно, то явление Пиночета даже не пахло, а прямо таки воняло какой-то мистикой.

– Пепел? – В голосе Пиночета тоже сквозила явная растерянность. – Ожидал я всякого, но чтоб засвиданкаться с тобой... и здесь?... Да-а.

Меж тем два угрюмых товарища из нагрянувшей гоп-компании влетели в комнату и, будто напоровшись на невидимую преграду, затормозили у тела горбуна. Один нагнулся и начал шарить по карманам жмурика, второй рванул к компьютеру. Собрал с пола остатки дискеты, поцыркал узловатыми пальцами по клавиатуре и, повернувшись к Пиночету, сумрачно отрапортовал:

– Мы опоздали. Он отправил содержимое дискеты письмом. А все следы сожрал вирус.

Два замыкающих в команде, отдаленно знакомые Сергею Клепа и Байбак, закрыли за собой дверь, но дальше порога не двинулись.

– погоди кидаться такими грустными словами. Это ведь всего лишь пластмасса. Если надо, я найду умельцев, которые хоть тысячу таких квадратиков смаклат. Сунем железо в новую пластмассовую упаковку и легко прочитаем.

– Диск погнут.

– И че, нет лаборатории, в которой его можно выровнять? Это в России-то, в колыбели науки – Санкт-Петербурге?

– Разве что в какой-нибудь фээсбешной лаборатории. Но я о подобных подвигах не слыхал.

Тогда Пиночет собрал обломки, а заодно и ключи от авто мертвеца, спрятал в карман и, что-то в уме прокачивая, вразвалочку подошел к лежащему Пеплу. Клепа и Байбак продолжали маячить в дверях, чему-то тупо улыбаясь. Пиночет медленно, уже никуда не торопясь, огляделся, заметил остывающий пистолет, отфутболил его подальше от Сергея и присел на корточки.

– Если бы меня спросили: угадай, Пина, кого ты здесь встретишь, – папу римского, маму свою покойную, или живого крокодила, я бы сказал – увижу всех троих. Только не тебя, Пепел. Однако рано я в атеисты записался. Такие совпадения просто так не совпадают. Рассказывай, коллега. Ты видел его?

– Кого «его»? – Абсурдность происходящего почему-то подействовала на Пепла успокаивающе. – Я вошел, меня попытались замочить. Случайно вошел. Хотел выйти, в рожу бьют. Причем, ТЫ.

– Ты видел то, что на дискете записано? – Пиночет стал опять суров и весел. – Меня не колышет, почему ты здесь. Почему именно ТЫ здесь. Ты видел цифры, адрес, код?

Прежде, чем ответить на поставленный в лоб вопрос, Сергей предпочел встать на ноги, чтобы потянуть время. Чтобы хоть как-то оценить расклад и чтобы не смотреть снизу вверх в глаза закадычного врага.

– Видел. – Пепел решил, что пока врать не резон.

– Он убил Акелу, – будто устал ждать, пробасил один из угрюмых спутников Пиночета.

– Око за око... – утвердительно качнул тяжелым подбородком второй.

– Да вы что, ребята?! Это ж Серега Пепел, корешок мой по зоне. Я его знаю, он мухи не обидит. Зуб даю, здесь самооборона. Серега в самообороне лют. Он и первую ходку-то за превышение самообороны получил. Да и второй срок отчасти из-за этого. А еще он у меня раз пять тушенку в очко выигрывал. А почему выигрывал? Потому что любую колоду наизусть запоминает – какая карта за какой следует. Вы хотите оторвать эту светлую башку, а ей цены нет! Вы думаете, я попробую обломочки дискеты спецам заслат, пусть прочтут помучаются? Верно думаете. Но обломочки – запасной аэродром. А вся наша надежда на моего славного кореша Пепла, потому что все цифры у него в голове сохраняются лучше, чем в архиве Министерства Обороны. Ясно?

Угрюмые спутники промолчали, отводя глаза.

– Ясно, я спрашиваю?

– Ясно, – нехотя процедили оба.

– Все ребята, валим отсюда, нас девушка в багажнике заждалась. – Пиночет оглянулся напоследок: – Пепелок, будем выходить, не дуркуй. Прошу как друга и сокамерника.

Пепел и не собирался. В башке крутилась абсолютная каша. Опять хотят убить неизвестно за что, опять убиваешь сам неизвестно за что. Какие-то вскользь срисованные его памятью с экрана цифры, какие-то загадочные пещерные люди в команде Пиночета. Причем, судя по прикиду – деревенщина, а по повадкам – саблезубые тигры. Не жизнь, а бородатый голливудский вестерн. И он в этом вестерне по самые уши. Надо не дергаться и немного подождать. Там разберемся.

Фрол и Силантий обступили тело горбуна.

– Его надо забрать с собой. – Голос Силантия был похож на работу циркулярной пилы, такой же дребезжащий и давящий на нервы. – Забрать с собой и похоронить. Там, где мы скажем.

– Тебя на какой заповеди заклинило, божий человек? – Пиночет от растерянности даже закашлялся. – Ты чего несешь и где находишься? Как мы это чучело отсюда вытащим?!

– Его надо забрать с собой. – Фрол придвинулся поближе к бесхозной «беретте». – Ты не поймешь, но иначе нельзя. Или отсюда не уйдет никто.

Для Пепла забрезжила хоть какая-то надежда. Если горбоносые угрюмцы начнут выяснять, кто отсюда выйдет, а кто не выйдет, в итоге, может быть, выйдет один Пепел. Два дурачка-оруженосца Клепа и Байбак по-прежнему стояли в дверях, но уже не улыбались. И отвага во взорах, мягко говоря, не сквозила, не по зубам им были загадочные пещерные медведи, хотя Пепел готов был зуб дать, что у Клепы через шмотье ствол выпирает. Горбоносые окаменели, но слегка подрагивающие пальцы вытянутых вдоль бедер рук и напряжение в глазах выдавали, что любое лишнее движение спорщиков заставит эти человеческие горы обернуться вулканами. Все испортил Пиночет. В долю секунды скользнув глазами по невеселому раскладу, он неожиданно улыбнулся.

– Да, братья во Христе, что-то я сглупил. Ведь действительно, кто он там у вас – сенсей, учитель, гуру? А я не въехал, что надо уважить. Все правильно. Только... – Пиночет уверенно наклонился и подобрал ствол, затем придвинулся к Пеплу, – мы с этим носителем информации поодаль вышагивать будем. А вы впереди со своей ношей. Подгребете к мерседесу – и сразу его в багажник. А то девушке одной там скучно.

Подчиняясь таинственному бессловесному приказу Пиночета, Байбак ускакал вперед. Двигаясь по коридору и ощущая нелюбезное покалывание в бочине (Клепа неаккуратно приставил складень), Пепел пытался отгадать, каким образом компания намеревается преодолеть кордон из ментов на служебном выходе. Угрюмые молчуны двигались впереди издевательским прогулочным шагом, спокойно так, не оглядываясь по сторонам. Силантий, перевалив через плечо труп, нес его, будто раненного комиссара с поля боя, не кривясь и не сгибаясь, как будто и не было в горбуне около сотни кило остывающего мяса и костей.

А стены вибрировали от слышных даже здесь возбужденных воплей зрителей и лихой песни:

*...Ну, что ж ты ждешь? Беги, держать не стану.
Я себе таких как ты миллион достану.
Все равно ведь, поздно или рано,
Только знаю, ты ко мне придешь. Зараза!..*

И вдруг возник мент. Он важно смерил взглядом Силантия с груза на плече до подвернутых халыв резиновых сапог, мельком отметил присутствие Фрола и поманил подозреваемых указательным пальцем. Дескать, подойдите, покажите, предъявите, обоснуйте.

Те, конечно, подошли, невозмутимые, как две каменные скифские бабы. Компашка во главе с Пиночетом резко тормознула и, насколько возможно, затаилась. Клепа стал свободной рукой поглаживать заныканную под одеждой пушку. Пепел повернул бирку на груди изнанкой. Силантий, с поклажей на плече, пусть и приблизился на зов, мента вроде бы в упор не видел. Фрол же, посопев пару секунд, будто намерен что-то доверительно сообщить, положил руку на погон правоохранителя. Служивый, естественно, обалдел и попытался руку сбросить. А также достать табельное оружие, по-чапаевски им помахать и, видимо, свернуть ситуацию на задержание правонарушителя. Фрол руку не убрал, а наоборот, прихватил мента за шею.

Пепел на все это смотрел равнодушно, он был опытный игрок и не поставил бы на мента даже трех копеек. Мент попытался применить приемчик, то есть избавиться от навязчивой руки еще раз. Тогда Фрол нежно обнял удальца за плечи уже обеими руками и прижал к себе. Мент задергался как бешеный и даже открыл рот, чтобы заорать, но Фрол быстро прихватил двумя пальцами горло бойца и пережал сонную артерию. Несколько секунд, и обмякшее тело мента сползло к ногам верзилы. Перешагнув через елозящий ногами серый мундир, Силантий поправил груз на плече и оглянулся на стоящих поодаль.

– Этого тоже с собой потащите, – напряжено откомментировал Пиночет. – Кстати, следующего души наповал. А то свидетели вас и через сто лет опознают. Больно уж вы красивые и заметные.

Фрол тормознул с явным намерением добить отправленного в аут мента.

– Брэк! Я пошутил. Пусть я и отморозок, но лишняя громкая мокруха ни к чему.

После инцидента все стали быстрее шевелить ногами. Пепла продолжал покалывать складнем неуклюжий Клепа, Пиночет негромко матерился. В обратном порядке отлистались наклейки на дверях временных апартаментов: «Шелег», «Катя Огонек», «Чиж», «Круг», «Лесоповал»... Компашка молодых людей на процессию почти не обратила внимания.

– Нет, ну, разве не наглость предлагать мне за четыре куплета сотку баков? За сотку баков пусть вам тексты Олег Соломенко пишет! А он мне еще морду корчит, говорит, что второй куплет – фигня, – втирал кому-то уже знакомый хлопчик в кожаных штанах гармошкой. – Меня тут занесло на «Бои без правил», так там полный аншлаг зрителей натикало. А тут ползала еле наберется! Попомните мое слово, русский шансон клонит к закату...

Тут стало ясно, куда Пиночет отрядил Байбака. Прямо за спиной курящих располагались еще одни стеклянные двери выхода из дворца. На всякий пожарный случай. И, естественно, запертые на три замка. Но что такое три замка для проворных рук Байбака? Тот уже успел не только освоить замки, но и подогнать «мерс»джип к пожарному выходу, и теперь лишь постреливал по сторонам красноватыми монгольскими глазками.

Подойдя к машине, Клепа открыл багажник и неловко стал помогать Фролу сгружать туда жуткую поклажу. Свободного места оказалось маловато, поскольку в железном ящике уже содержалась связанная по рукам и ногам дочка покойного барыги. По скотчу, которым ей щедро залепили рот, текли сопли и слезы. Когда лицо девушки и перекошенная рожа мертвеца улеглись глаза в глаза, пленница истерично дернулась, садня кожу впившимися веревками, и сквозь скотч пробился приглушенный стон.

– Смотри-ка, сколько веков прошло, а наши барышни по-прежнему в обмороки падают, – ухмыльнулся Пиночет. – Ну, да ладно. Садись, памятный ты наш. – Он услужливо открыл перед Пеплом заднюю дверь. – Только не на сиденье, а то не влезем. В ноги, в ноги. Располагайся...

А в это время незапертая дверь кабинета с загадочной табличкой «Тотал. клуб» открылась вновь. На этот раз на пороге стоял человек лет сорока, одетый в брезентовую штормовку и выгоревшие лиловые джинсы. В Ледовом дворце его можно было принять за работника сцены.

Человек не стал проходить в глубь комнаты. Его взгляд скользнул по роялю, по оргтехнике, по остаткам дискеты на полу. Увиденное рассказало посетителю достаточно. Он носовым платком стер с дверной ручки свои отпечатки и поспешил убратсья вон, через носовой платок же притворив дверь за собой. Звали этого человека Таныч Соков.

Глава 3. Ботаники

...Лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими, подлежит уголовной ответственности за их организацию и руководство ими в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса, а также за все совершенные организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) преступления, если они охватывались его умыслом... (Статья 34 УК РФ)

Предполагалось, что сквозь стеклянную крышу Ботанического сада в зависимости от времени суток должны беспрепятственно проникать солнечные лучи, или свет далеких звезд. Однако ничего подобного не происходило, сверху сочилась лишь блеклая серость – у нищего Ботсада не хватало денег на верхолазов, и оседающая пыль оставалась непотревоженной многие лета.

Надежно связанный по рукам и ногам Пепел лежал лицом вверх и, поскольку прямо перед глазами ему ничего не светило, неловко ворочал головой, любуясь хилыми пальмочками, косматыми растениями в керамических горшочках и прочим нереальным для Питера антуражем.

Освобождать от пут Сергея Пиночет пока не спешил. Он считал, что Пепел и так уже успел зафиксировать компрометирующих подробностей выше крыши, и отсюда Сергею одна дорожка – ногами вперед. Если стороны не договорятся.

Пиночет, растянувшись на просторном топчане, пощипывал струны крутобокой гитары, обляпанной полустертыми переводками красоток. И вид у него был, как у турецкого паши, кайфующего в личном гареме. Безмятежность и радушие лучились с довольной физиономии Пиночета. Только масляные глазки нет-нет, да и чиркнут, будто бритвой. Занимавшие прежде разошедшийся топчан оцинкованные лейки были небрежно сброшены в декоративные лопухи на клумбе. Клепа и Байбак колдовали с мясом у мангала, экономно скармливая костру древки тяпок и граблей. Силантий прилег под заморским кустом с обильными, будто рыба чешуя, плотными темно-зелеными листьями.

– Я в весеннем лесу пил березовый сок... – мурлыкал Пиночет, расслаблено улыбаясь, но фиксируя малейшие движения вокруг. Пусть внешне он оставался балагуром и таким рубахой-парнем, на душе скребли кошки. Слишком много неразгаданных вопросов скопилось, слишком сильно приходилось полагаться на интуицию. – ...С ненаглядной певуньей в стогу ночевал, – пропел Пиночет, покосившись на Фрола.

Фрол присел около еще не очухавшейся дочки барыги и внимательно ее осматривал, как крыса обнюхивает трофей, прежде чем вцепиться зубами. Пиночет мельком подумал, что совершенно правильно распорядился оставить скукоженный труп горбуна в багажнике, нечего зазря глаза мозолить, да богомольцев раздражать. Но тут Пиночет заметил, что не один он приглядывает за Фролом. Оказывается, связанный Пепел тоже буравил зрачками могучую спину. Пиночет взял сие на заметку. Ведь вообще-то лишнего сочувствия к жертвам за Пеплом не отмечалось, а тут ерзает, ногами песок на дорожке волнует. Запал он, что ли, на Соню, или как?

– ...С ненаглядной певуньей в стогу ночевал, – повторил задумчиво Пиночет. – А че там дальше будет, не помнишь, Серега? Молчишь? Ладно, проехали. ...Вот бы бросить всю жизнь, да с начала начать. К ненаглядной вернуться певунье своей. Только вряд ли... Только что же мне с тобой делать, Серега, как поступить? Может, попытку попробовать, авось расколешься?

Клепа осклабился и отодвинулся от костра. Деловито вытер руки в уксусе прямо о мягкие брюки и полез доставать из кармана ножик. Пиночет зафиксировал и это вкрадчивое движение. Но, к сожалению, он слишком хорошо знал Пепла, чтобы поверить в успех попыток. Можно и доиграться, и в финале вместо заветной цепочки цифр получить второй труп в придачу к Акеле.

– Согласись, неожиданный друг, эффектно я расположился? – Пиночет решил по-детски похвастаться. – Это тебе не какая-нибудь баня. Это для души. И, главное, ни один лютый враг не додумается здесь меня искать. Враг же – не баран. Опять же, здесь тепло в любое время года. Лепота. Вот только экскурсанты днем болтаются. Впрочем, они – днем, а мы – вечером. Так что практически не пересекаемся. А ты, Клепа, зря вскочил. Не будем мы ремни резать из моего зоновского кореша. Безнадежно это, мы другой ключик к его сердцу подберем.

Клепа покорно вернулся к нанизыванию душистых кусков свинины на шампуры. И эта покорность хоть самую малость, но порадовала жожака. Клепа и Байбак, пусть слабаки, пусть гниль, зато верные, как цуцики, конечно, пока Пиночет в силе. Не то, что приبلудные богомольцы, которые по каждому поводу дикий норов дыбят. Пиночету предстояло решить эту непростую головоломку: расколоть Пепла на цифры, удержать в узде сектантов, уйти от всех, кого успел обидеть в этом городе, да еще и уйти красиво, с сектантским золотым запасом.

– А власть не беспокоит? – Пепел, насколько возможно в его ситуации, иронизировал.

Пиночет задумчиво тронул струны. Дальше тянуть не имело смысла, пора было начинать большой развод. Сейчас он кое-что предпримет и, как минимум, выбьет Пепла из душевного равновесия. А потом? А потом начнется спектакль, в котором Пиночет отводит себе роль режиссера. Приценим, насколько из Пепла получится отзывчивый зритель?

– Очень беспокоит. – Пиночет картинно озабочился. – ...Только вряд ли узнает Родина-мать одного из пропа-а-авших своих сыновей! Так меня наша власть беспокоит, даже кушать не могу. Глупые все какие-то. Истеричные. Живут не по понятиям. Надо бы самому собраться с мыслями, избратся, продепутироваться. Помочь, подсказать, насадить разумное, доброе, вечное... Осадить, кого надо. Упс, кстати, ты сейчас прибалдеешь. То, что Питер – город маленький, наша встреча с тобой лишний раз подтвердила. Но то, что он маленький настолько... даже ты вряд ли ожидал.

Пиночет вальяжно махнул дланью в конец песчаной дорожки, поперек которой сгрузили Пепла. Сергей неловко повернул голову и с чувством сплюнул прилипший к губе песок. По этой самой дорожке, держа в руке секатор⁶, к нему приближалась эффектная девчонка в бикини. Смуглянка с иссиня-смоляной ниспадающей до локтей гривой и губами, пухлыми, как черешни. Причем лицо подруги хранило суровую надменность. Причем лицо девчонки было знакомо до микроскопической родинки на персиковой щеке.

– Узнаешь подругу Верку? – Пиночет тренькнул на гитаре свежий аккорд. – У любви, как у птички крылья! Тарам-тарам-тарарам-там-там! Я, когда вспоминаю ваши отношения, верю в любовь. Зона от таких высоких отношений балдела. А ты забил болт на бабу... Хотя я тебя понимаю. Шлюха она редкостная.

– Ну что, мальчик, соскучился по моим ласкам? – Вероника пнула Пепла ногой и, склонившись, многообещающе пощелкала ножницами в опасной близости от глаз.

После внезапной встречи с Пиночетом и последовавших заморочек Пепел вроде бы удивляться перестал абсолютно всему. Но здесь удивиться пришлось опять и по полной схеме, поскольку наличие под питерскими пальмами фигуристой и не шибко одетой Верки воспринималось как нечто совсем нереальное. Действительно, между ними давным-давно полыхал пожар. Вероника сперва ездила к брату на свиданку, стоит подчеркнуть, к парню,

⁶ Ножницы для стрижки кустов.

которого Пепел замочил в организованной Пиночетом драке. Потом ездила к Пеплу, а потом Пеплу прибавили срок...

– Пина, у этого мальчика есть штучка, которая мне дорога, как память. Можно, я ее отрежу?

– Если мы с ним не добазаримся, он весь твой. Режь вдоль и поперек. А пока тему обсуждаем, нишкни, шалава. Иди, вон, Байбаку приятное сделай.

Пиончет был сто раз прав насчет тесного для всех города Питера. Особенно этот город был тесен для двоих – Пепла и Пиночета.

* * *

Фамилию свою Таныч увидел и услышал почти одновременно. Над козырьком на фронтоне здания издали угадывалось тысячу раз выцветшее «Продажа соков», а перед дверью бестолковый адепт вещал троим зевакам:

– ...Соков! Не жалейте жизненных соков, ибо каждый день следует завершать, выжав себя насухо, будто день сей последний! И тогда изможденным, но счастливым, вам улыбнется Господь. И имя той улыбке будет – истина.

Таныч Соков вразвалочку подгрел к крайнему из трех зевак и стал умышленно тяжело сопеть тому в затылок. Ведь не надо было ни поганить язык черными словами, ни сворачивать челюсти; было достаточно посопеть в затылок, чтобы через пару секунд человечиска возмущенно оглянулся, а еще через секунду, разглядев недобрую ухмылку Таныча и, авось, запомнив ее на веки вечные, зевака поспешно удалился. Далее, ясное дело, Таныч выжидательно посмотрел в упор на двоих оставшихся зевак. Тем тоже по уши хватило этого замораживающего взгляда, и проповедник остался один на один с Танычем.

– ...Мои неудачи – это тьма, как темная земля, в которую бросают зерно. Вырастет ли зерно, зависит от прихоти природы, я же сам достоин выбирать себе судьбу. Сам в праве выбирать Господа, которому возносить молитвы. Сам должен выбирать, каким зерном, чечевичным или гречневым, следует начинать свой путь просветления, и из какого ростка следует тянуться колосом к истинному солнцу, – заторопился проповедник, будто боясь, что ему не дадут выговориться до конца.

Таныч Соков внимал. Таныч Соков облизывал хмурым взглядом горло проповедника, словно примериваясь.

– ...Я могу сто раз споткнуться на пути к свету, но сие меня не огорчит, потому что только червь не спотыкается!

– Слышь, блаженный? – наконец соизволил открыть пасть Таныч. – Разве тебе не объясняли, что проповедовать следует не ближе десяти поворотов от дверей Храма?

– Так вы наш? – обрадовался проповедник, что сегодня не доведется пострадать за веру.

– Свои бьют всегда больнее, – зевнул Таныч и двинул в глубь проходных дворов.

На лавочке вроде бы невзначай обмяк позевывающий мужичок с шустрыми глазками. На движение Таныча мужичок не спохватился – признал своего. Далее путь преградила железная дверь с кодовым замком. Таныч, набирая код, кивнул мужичку и двинулся в пропахший бродячими кошками подъезд. Все квартиры здесь принадлежали разным людям. Все жильцы принадлежали к Храму Голубя. Ибо покинул бог человека, устроил всемирный потоп, но дух святой в образе голубя указал путь к вершине Арарата, к истине – во всяком случае, так учили неофитов.

За левой дверью на втором этаже шло богослужение, было слышно, как нестройный хор подпевает:

Голубь с верою в клюве

*Вдаль с ковчега летит.
Голубь с верою в клюве,
Что же там, впереди?..*

Напротив, где поселялись вновь прибывшие на берег истины, стояла тишина – то ли вновь обращенных не было, то ли спали после полуночных истязаний. Такая же тишина царила и за третьей дверью на этом этаже. Таныч Соков поднялся на два пролета выше и трижды прижал пальцем звонок с такой торжественностью, будто крестом себя осенял.

Голубь с веткою в клюве –

Это знак для тебя,

Голубь с веткою в клюве –

Впереди там земля!!!⁷

– сочились нестройные голоса снизу.

Дверь открыла и призраком засеменила вглубь, как бы приглашая следовать за собой, немая старуха, имени которой он не помнил. Таныч скорчил благочестивую гримасу и вразвалочку поплелся за провожатой по пропитанному запахом прогорклого лука коридору с пожухлыми и заросшими паутиной обоями. Липкий сумрак, разбавленный огоньками лампадок под почерневшими от времени ликами на иконах, таил загадочные шорохи. Заунывно и сонно скрипели половицы. И вот она – заветная дверь. Старуха, плавно шурша юбкой, вернулась в сумрак. Таныч Соков трижды стукнул в дверь и вошел, будто нырнул в студеный омут.

– Да не оставит истина эти стены, – бесцветно пробубнил ритуальное приветствие Таныч.

Станислав Анатольевич не повернулся и занятия не прервал. Он стоял перед высоким зеркалом, приложив к груди фиолетовую рясу, и оценивал эффект.

– Проходи, садись, выпить хочешь? – играя дружелюбие, просопел Станислав Анатольевич. Новый шеф никак не мог выбрать, фиолетовый или черный цвет лучше сочетается с врожденной бледностью его лица. И в данный момент казалось, что нет для Станислава Анатольевича более важных вопросов. Но только казалось.

Таныч, демонстрируя подчинение, примостился на самый краешек расшатанного стула перед низким столиком и покачал головой, отказываясь от угощения. На самом деле Таныч просто проверял, так ли уж занят примеркой свежеиспеченный лидер, или все же пристально следит за отражением Таныча. И по тому, что Станислав Анатольевич принял бессловесный ответ, Таныч Соков убедился, что его без внимания не оставили.

– Не хочешь выпить, значит, сразу перейдем к докладу. Давай, Соков, без церемоний. – Лидер отбросил фиолетовую тряпку на спинку второго стула. А затем из вороха доставшегося в наследство барахла вытащил пурпурную мантию.

– Доклад такой. Я вам уже рассказывал про Татьяну Мирошниченко. Ну, которая замом в консалтинговой фирме «Сариндер инк» пристроилась. В общем, мной в явочном порядке принято решение не принуждать девушку крутить любовь с директором-финном. Незачем. Открылись новые обстоятельства. Оказывается, финн поленился зарегистрировать товарный знак на территории России, а шустрая Танечка это засекла. Проще говоря, пусть финн угрожает денежки на рекламную кампанию и приведет сюда европейских клиентов. А мы тем временем сами регистрируем знак, а потом подадим на инородца в суд и вытолкаем взащей. В результате нам достанутся раскрученная марка, иностранные клиенты и толковый директор Танечка. – Соков докладывал, а сам сторожко пас нюансы мимики шефа в зер-

⁷ «Голубь» Г. Арустамьян

кальном отражении. И не нравились Танычу эти нюансы, поскольку без восторга принимал новоиспеченный лидер доклад о весьма успешной операции.

– А почему это ты, Соков, со мной на «вы»? – не стал высказывать вслух мнение об операции «Сариндер и Татьяна» Станислав Анатольевич и как бы невзначай перевел разговор на пустое.

– Вы теперь старший. К вам положено обращаться «мастер», «доктор», «отец», и только на «вы».

– Сколько предрассудков досталось мне в наследство! – самодовольно фыркнул новоиспеченный лидер и стал напяливать атласную сутану поверх летнего кремового костюма. – Ладно, вернемся к этому вопросу позже. Докладывай дальше.

– От неопита из группы Щербатого поступило предложение поучаствовать в сборе средств на трехсотлетие Петербурга. Естественно, не бескорыстно. Неопит, Игорь Гречкин, оказался финансово весьма смекалист и расписал целую программу. Если кратко, то предполагается открывать последовательно цепочку фирм с благозвучными названиями вроде: фонд «Возрождение Петербурга», фонд «Юбилей», фонд «Празднество»... Нанять агентов, пусть шатаются по фирмам и предлагают тем стать спонсорами праздника.

– Не понял? Это мы что – в политику полезем? Нам это надо?!

– Боже упаси, никакой политики, просто бизнес. Мы намерены собирать средства, но не тратить. Гречкин обещает, например, продать право покраски Эрмитажа не меньше, чем десяти разным спонсорам. Такое рвение достойно самой высшей похвалы, и я взял на себя смелость от вашего имени повысить неопита до статуса послушника.

Станислав Анатольевич поджал бледные губы и, все так же не отворачиваясь от зеркала, буркнул:

– С Гречкиным Бог простит, но впредь я попрошу тебя, Соков, без моего согласия подобное не учинять. Только не дуйся. Я ценю тебя, Соков, не то, что Акела. И совершенно не предполагаю ущемлять тебя в правах, но субординация – есть субординация. Впрочем, не затем я вызывал тебя, Соков. Крутишь ты что-то, умалчиваешь. Я жду доклада, как продвигаются дела с золотом Акелы, а ты мне каким-то левым Гречкиным уши грузишь! Ну-ка, немедленно отвечай, что с золотом?!

– Я не умышленно молчу, – посмел обидеться Таныч. – Просто пока рано докладывать.

– Докладывать никогда не рано. – Лидер прижал к лицу вырезанную из черного дерева ритуальную маску козла и, наконец, резко повернулся к Танычу; алая мантия затрепетала и свернулась по спирали, плотно облекая тело. – Ну, как я тебе?

– Я нашел его тайный офис. Тот, что у метро Большеви́ков. Только нашел поздно. Никого там уже не было, и вряд ли теперь кто-то когда-нибудь объявится.

– Какие категоричные выводы, – опустив маску, попытался сыграть недоверие Станислав Анатольевич, но сфальшивил. По еще больше побледневшему лицу легко читалось, что Таныч окончательно зачеркнул потаенные мечты шефа.

– Я умею читать следы борьбы. На стене след ребра подошвы, стол сдвинут под углом, потом поставлен приблизительно на то же самое место, но полоска пыли осталась...

– А может, ты сбился со следа? Откуда такая уверенность, что это тайный офис Акелы? Мало ли кто кому там морду набил?

– Я видел следы пуль. Это «беретта». Та самая. Акелы. Но следов крови не осталось, и следы крови никто не замывал. Значит, Акела промахнулся.

– Откуда ты знаешь, что кровь не замывали?

Танычу не хотелось признаваться, но пришлось:

– Потому что я опоздал всего минут на пятнадцать. Замытый пол не успел бы высохнуть.

– Ладно, принимаю. Но мне опять почему-то кажется, что ты, Соков, не договариваешь.

– Рано докладывать. Достаточно того, что я прорабатываю вопрос и надежду выйти на Акелу не потерял.

– Рано, или не рано, не тебе решать. Докладывай!

– Я опоздал всего на пятнадцать минут, это непростительно. Но есть и обнадеживающий момент. Следы, которые я умею читать. Там была разломанная дискета, значит, адрес золота Акела успел уничтожить. Следы говорят, что Акелу куда-то увезли, наверное, будут пыткой из него тайну выковыривать. И еще там были следы, хорошо знакомые следы. Я отличил отпечаток резинового сапога. Это Фрол, других мнений быть не может. А где Фрол, там и его брат. Парни на сегодняшний момент от нас отделились и связались с неким отморозком Пиночетом. Я наводил справки, Пиночет заказан-перезаказан очень серьезными людьми, но пока выродку удастся выжить. Ему всеми силами надо когти рвать из города. Предполагаю, вот он и решил выжать из Акелы средства на дорожку.

– Может быть, ты знаешь, где кантуется этот Пиночет?

– Пока нет. Но приложу все силы, чтобы узнать. И, кроме того, я знаю подноготную Фрола. Я три года влазил ему в душу. Он не потерял для верящих в Голубя. Когда мы позовем, он вернется.

– Ой ли?

– Мы позовем так, что он не сможет отказаться.

– Ладно, работай дальше. Но доклады жду каждый день. Теперь хватит об этом. Что у тебя еще, Соков?

– Некие люди предлагают нам поучаствовать в производстве липового инсулина. То есть это будет обыкновенный инсулин, только расфасованный не в Западной Германии, а в Тосно. Перспективы очень интересные. Если в инсулин впишемся, можно дальше говорить о самых разных видах лекарств.

– Что-то мне сейчас это неинтересно. Ты вот что, Соков. Подготовь краткий доклад в письменном виде. Перспективы там, то да се. А я ознакомлюсь. И вот еще что... – Станислав Анатольевич вдруг ухватил себя за грудки и дернул. Надо признать, сила в его руках была приличная – алая хламида треснула на два лоскута. – Вот еще что, Соков, распорядись, чтобы отсюда выгребли на помойку все барахло, которое от Акелы осталось. Чтоб и духу не было!

– Будет сделано, – притворился кротким Таныч Соков.

* * *

По рукам Клепы стекал шашлычный уксус. Пахло от Клепы сырым мясом, запекшейся кровью и дымом костра. С приторной улыбкой профессионального мародера Клепа общал карманы Пепла, выудил нательный крестик, из-за которого все и началось, и, гоготнув, засунул его в карман. Пепел запомнил, в какой. Верка, казалось, потеряла к пленнику всякий интерес и целиком сосредоточилась на окучивании шкворчащего на углях шашлыка. Еще пару минут, и готово. Угрюмые братья поливали друг друга из лейки в ладони. Крякали и трясли мокрыми патлами, как испугавшиеся псы.

Неизвестно, чего добивался Пиночет своим шоу, но если устроил все, чтоб вывести Сергея из себя, то своего добился однозначно. И, главное, больше ничего нового Пепел не увидит. А значит, и не узнает, если сам не спросит. Сергей бросил косяка на Пиночета и решил, что, наконец пришло время поболтать откровенно. Хотя бы для того, что бы понять самому, чего же от него хотят.

– Все таки ты, Пина, ненормальный. За твою башку столько денег обещают, и люди-то все конкретные. Нет бы, в начальники Чукотки податься или анашу с таджиками собирать. А ты опять в северной столице асфальт мозолишь. Непродуманно.

– Я в глаза не видел тех, кто мою голову оценивал. С удовольствием бы пообщался. Поговорил. Может быть, даже выпил. Без брудершафту. – Пиночет с серьезным видом заиграл на первой струне «В траве сидел кузнечик...» – Лучше объясни, зачем дискету пожевал? То есть, зачем пожевал, я понимаю. А вот откуда ты обо всем прознал?

– Тебе дискету жалко? – Пепел слегка пошевелился в пределах врезавшихся веревок. – Таких дискет на каждом углу до одури. Иди, покупай.

– Такую дискетку не купишь. – Пиночет с сожалением дернул гитарную струнку. – Такая – одна. Была одна. И не грузи мне, будто бы, когда мочил конька-горбунка Акелу, ты ни во что не врубался. Не ври, деньги нужны всем. Но вот как ты просек, что он один-одинешенек владеет столь бесценной информацией? Ведь покойник так маялся, не зная, что с этой информацией делать, куда ее скинуть. Твои новые друзья, – Пиночет кивнул на Фрола с Силантием, – считали, что скидывать нужно им.

Фрол с Силантием в этот момент отрешенно шептали молитву. У Пепла еще оставалось на самом доньшке подозрений, что никакие это не сектанты, а гениальные артисты. Но тогда к чему и против кого этот спектакль? Во всяком случае, не против него. Если угрюмые молчуны и играют, то разводят Пиночета, только Пиночета и никого кроме Пиночета. Но кому надо развести Пиночета? Грохнуть его действительно мечтает полгорода, но развести...

– Акела, видимо, считал по-другому. – Пепел сказал это с видом круто осведомленного человека.

– И был прав, наверное, – согласился Пиночет, – времена меняются и для божьих людей тоже. Какая секта была ядреная, сколько столетий существовала! Сколько злата накопила. Даже коммуняки за семьдесят лет добаться не смогли. А сейчас все похерено. Дети Голубя стали думать так же, как и мы. Дескать, вера верой, а золото золотом. Акела это понимал. Он единственный из них – серьезный дядька. Был. И зачем ты горбуна грохнул, нехороший человек, а? В обновленцы подался? – Пиночет принялся старательно наигрывать диппепловский «Дым над водой», подпевая под нос, будто уже получил ответы на все волнующие вопросы: – Па-па-па, па-па-папа... тра-ля-ля-ляля... И вообще, золотишко-то – мое. Так мне сказали ангелы.

– Пина, золото – вещь конкретно хорошая, но мне бы отлить. – Пепел устал лежать колодой, да и вообще не мешало бы проверить, насколько далеко простираются дружеские чувства закадычного врага. – А то беседа в напряд.

– Терпи, казак, атаманом будешь. – Пиночет привстал с кушетки. – Смогешь, ты ведь упрямый. Прямо как они. – Он кивнул на горбоносых. – И я упрямый тоже. Все тут одного поля ягоды. Так что дальше придется идти вместе. – Он встал с топчана, приблизился к поверженному Пеплу и дурашливо потрепал его за щеку. – Мы будем партнерами!

– А ты уверен, что я что-то знаю? – Пепел обозлился и, кажется, сморозил глупость.

– Ну, не выпадут мои козыри, уйдешь от меня. Не впервой. – Пиночет философски пожал плечами. – А вообще, ты же меня знаешь. И я тебя знаю. Карту ты сейчас не нарисуешь. Уперся. Но зуб даю, если приведешь нас туда... Отпущу на все четыре стороны. Долю получишь, падлой буду. И еще чего-нибудь получишь. – Пиночет огляделся по сторонам. – Ну, вот хотя бы эту милую еврейскую девушку. Кстати, довольно богатую наследницу. Папаша, царствие ему небесное, постарался.

Нет, Пепел на эти слова не дернулся. А ведь Пиночет было уже начал подозревать, что Сергей каким-то боком прежде контактил со старым евреем. Ради проверки и разговор завернул в эту сторону. Ладно, значит, у Сергея к Соне мелькал чисто мужской интерес. Учтем.

Пепел почти равнодушно взглянул на милашку, которая до сих пор находилась в глубокотрубе. Поездка в багажнике в обнимку с трупом девушке явно на пользу не пошла. И тем не менее Пепел узнал ее сразу, о чем, естественно, говорить никому не стал. И, сопоста-

вив увиденное с услышанным, легко представил, что произошло на квартире Семена Моисеевича.

Зачем объяснять Пиночету, что отец девицы держал маленького Пепла на руках, что дружили их папаши многие годы? Что тот самый жигуленок, на котором Пепел пытался въехать в мирную жизнь, подарил ему дядя Сема, чья дочка сейчас лежала поодаль без сознания. Увы, Питер – город маленький.

Рядом с Пиночетом неожиданно и тихо появился Фрол.

– Я же говорил тебе: эта женщина наша, – сообщил он. – И ты не возражал.

– Что же тебя так на бабах-то циклит? – злобно отреагировал Пиночет. – Вон Верка, как неприкаянная ходит. Пристройся и оттянись. А с этой биксой я сам определяюсь. Тем более, зная вкусы нашего телегида, – он кивнул на Пепла.

– Ты обещал, – упрямо надавил Фрол.

За спиной Фрола лишним аргументом вырос Силантий. Клепа и Байбак притворились шибко увлеченными кулинарией, хотя напрягшиеся спины выдавали их с головой. В Веронике же сцена не возбудила ни страха, ни радости. А одну лишь бабью зависть. Если мужики готовы в горло друг другу вцепиться не ради нее, а ради какой-то полудохлой дурочки, пусть вцепляются себе на здоровье, – читалось по лицу бывшей полюбовницы Сергея.

– Господь тоже обещал. – Пиночет стал заводится. – Верку не хочешь, значит, никого не хочешь. Иди, в уголке пообижайся. И думай! Думай, что важнее? То, за чем мы все охотимся, или блажь мужицкая?

Фрол отошел в сторону, только свирепо взглянул на Пепла и так же грозно на Пиночета. И еще Пеплу показалось, будто где-то за стенами приглушенно каркнул ворон. Пепел принял к сведению, что нажил врага в лице горбоносого молчуна.

– Ладно. Я вписываюсь в поиски золота Акелы. Доли мне не надо, только дай уйти.

– Тебе чего, денег не надо? – хохотнул Пиночет. – Ты заболел?

– Суеверный я стал, Пина. – Пепел нехотя вздохнул. – Не хочу никаких дел иметь с этой мистикой. И деньги не греют в таком раскладе.

– Ладно... Верю... Главное, дойти вместе. А там бойся бога на здоровье. И денег не бери.

– А ведь нет там золота никакого. – Пепел настолько устал, что начал хамить. – Неужели ты веришь во всю эту чушь? Пина, ты же атеист!

Пиночет рывком подскочил к связанному Пеплу и врезал ногой в область печени.

– Шучу здесь только я, – заметил он строго. – Верка, пырни любимого.

Та манерно поизгибалась в своем бикини и, поигрывая секатором, пододвинулась к Пеплу. Порисовала узоры острой кромкой металла на Пепловском лице (впрочем, не писала, а гладила), издала грудной кошачий звук и резким движением разрезала веревки.

Глава 4. Сбой программы

...Убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего, — наказывается ограничением свободы на срок до трех лет или лишением свободы на тот же срок... (Статья 107 УК РФ)

— Цыц, Верка! — шикнул Пиночет, чуть ли не с хрустом ниток выдирая из-за пояса «беретту». — Всем угаснуть!

Брякнулся о гальку кем-то оброненный шампур с недожеванным шашлыком и заскользил по песчаной горке обмылком. Беседа мгновенно пресеклась, будто из сети выдернули магнитофонный шнур. Осторожный — так беспокоят постояльцев в манерных гостиницах вышколенные горничные — стук во входную дверь повторился. Тук-тук-тук — и дальше думай сам. Хорошее место, конечно, подобрал под логово Пина, вот только ненадежны были здешние дверцы, оборудованные всего-навсего шпингалетами сортирного типа.

В отличие от Пиночета и его удалых бойцов, Пепел не дернулся, он продолжал доедать шашлык, запивая его пивом. Хотели бы застать врасплох — вломились бы на «ура» с разбегу. Хотят обмануть — начнут вести пространные разговоры через утлую перегородку.

Сергей сам себе криво улыбнулся — начались разговоры через перегородку. Фрол и Силантий обдуманно и плавно передвинулись из-под света в тень. Там и замерли. Причем, стали похожи на сучковатые стволы обычных таких корявых деревьев, и Сергей лишний раз пожалел, что судьба свела с этими молчунами на узкой дорожке.

— Это я, слышите? — негромко заблеяли с той стороны двери. — Я, Шелест.

Верка подобрала шампур, весь в инее жира, и попыталась спрятать в руке острием к локтю; гневные черешни ее глаз заволокло туманом страха. Пиночет, чуть приопустив ствол, беззвучно прокрался к двери, но позицию, чтоб не схлопотать халаявный гостинец в живот, выбрал не напротив, а прижавшись к стене:

— А кто еще там лишние сопят?

— Со мной Волчок и Тарзан. Вензелевские пацаны.

— А мусоров ты с собой не приволок? — решая, как себя повести, надумал потянуть время за пружинку вожак.

— Эй, Пиночет, — миротворчески загудел за дверью новый голос, — это Тарзан. Встречай двух гостей. Базар есть. Ну, стали бы мы обзывать, если б думали чего мутить, а?

— А не боязно? Вы ж про меня славу заряжаете, дескать я — беспредельщик. А ну как дверь очередью из калаша перережу?

— Калаша у тебя нет, не пучься выше телеграфного столба. А боялись бы, в ларьках бы сидели, — угрюмо отрезал Тарзан. — Короче, атаман, мы будем типа по-сиротски через дверь шушукаться или как?

— А если их не двое, а шобла? — свистящим шепотом нагнал дрейфу скользнувший к Пиночету Клепа. Тоже со стволом наизготовку.

— Двое. — Почему-то Пиночет был в этом уверен. Пожевал задумчиво губы и прошептал на ухо своему бойцу: — Не шелкай хлебалом, держи их в ракурсе, но и без истеричной дерготни.

Шумно вздохнул и тяжело, будто вагонетку попер, сдвинул шпингалет.

– Привет. – Первым в оранжерею втянулся подобострастно шустрый Шелест. Что это не кто-либо из вензелевцев, угадал бы и курсант школы милиции: по трусливому взгляду, брошенному на жожака, по приторно-заискивающему «Привет».

Следом вшагнули, важно держа фирму, но оглядываясь, пацаны Вензеля, профессионально скупными бликами срисовали обстановку. Невысокий и необъятный в плечах. И худой, среднего роста, с глазами голодного волка. Пиджаки, мобильники на поясах, в руках демонстративно пусто – не одноразовые торпеды.

– Ну, пошли, потрем за жизнь, – засунув «беретту» за пояс, без особого радушия высказался Пиночет и, не проверяя, следуют ли дорогие гости за ним, зашагал в дальний угол оранжереи, где между лимонным и бутылочным деревьями покоилась стопка из четырех цинковых ведер.

Пиночет, Клепа и два незваных гостя расставили громкие ведра, будто собрались сразиться в наперстки, и без суеты, с показным депутатским достоинством, расселись. (?Какие гости, в них много злости, в них столько злости, что будь здоров?. – Эти песенные строчки пришли в голову Пеплу, наблюдавшему за «встречей на Эльбе» издалека). Чтоб не возвышаться над теми, кто по жизни выше, выюном ерзающий Шелест присел на корточки по боку. Сурово бычащие брови братья Фрол и Силантий без объяснений выскользнули за дверь.

– Вот ты где, значит, зарылся, Пиночет. С курортным удовольствием, почти как на Канарах. Я – Тарзан, а это Волчок. – Коренастый боец кивнул на спутника. А сам глаз не сводил с выпирающей из-за пояса отморозка «беретты». То, что сектанты отправились в дозор, радости в его голосе не прибавило.

А Пиночет, фиксируя это беспокойство и не скрывая наглой ухмылки, наклонил голову в сторону Шелеста.

– Выходит, подружились? – Голос Пиночета был елеен, как у церковного батюшки, слушающего исповедь семнадцатилетней грешницы.

– Зачем с нами ссориться? По-хорошему с нами всегда можно договориться. – Миролюбия и воинственности в голосе Тарзана содержалось как в стандартном коктейле: два к одному.

Шелест под взглядом жожака все явственнее нервничал и наконец заговорил быстро-быстро, слюняво комкая слова. Ему дальше выпадало ждать на прикупе, и позарез надо было амнистироваться:

– Слушай, Пиночет, они так и так нашли бы... Вензель... тебя... вышли на меня... Не было в «Гриль-мастере» никого с пышными усами, а эти дожидались... Если бы они давить стали, я бы хрен чего им сказал... Ты ж знаешь, я – могила... А они нормально, по-человечески... И дело же предложили, поэтому я и привел их. – Шелест молитвенно приложил руки к груди. – Нам же по-любому не выжить в городе!

Пепел и те, кто остался рядом, не могли слышать подробности беседы под бутылочным и лимонным деревьями. Оттуда внятно долетало только испуганное жужжание Шелеста. Однако Сергей по выражению лиц почти на сто процентов угадывал реплики персонажей. Но не судьба проштрафившегося шестерки заботила Сергея.

Если бы вензелевские герои явились потянуть время, пока займет рубежи основная вензелевская же бригада быстрого реагирования, то вели бы себя иначе. Держали бы большую дистанцию, чтоб, когда начнется, не лечь под кучно выпущенными пулями, и уж всяко остались бы на ногах из соображений сохранения мобильности. Далее – Вензель прислал не пушечный материал, а известных бойцов бригадирского статуса, а это должно свидетельствовать в пользу серьезности намерений. Но Вензель – еще тот старичок-паучок, опутавший почти весь Питер незримой паутиной, он запросто может играть своими гренадерами в темную.

– И чего за дело они предложили? – Пиночет не спеша вынул пачку «Мальборо» из кармана рядом с подвешенным стволом. Не спеша прикурил, скрыл на миг глаза за первым клубом табачного дыма. Приучает вензелевцев к безобидным движениям, чтобы потом рывком?..

– Расклад простой, – заворожено следя за этими манипуляциями, сипло заговорил Волчок. – Хочешь, чтобы облаву сняли – берешь нас в команду. В итоге отдаешь половину наvara Вензелю, и разбегаемся довольные. Старик, сам знаешь, слово держит.

По поводу последнего факта Пиночет мог бы ухмыльнуться, да поленился.

– Помнишь, как они со Шрама облаву сняли? – опять встрял Шелест. – Добазарились пучком, и Вензель загнал в гаражи свои и чужие бригады.

Еще Пепла весьма беспокоило, как бы не угодить под шальную пулю, если начнется свистопляска. Да и девчонок жалко, они к таким кордебалетам не привычны, начнут визжать, бегать туда-сюда. Пока ничего лучше, чем по первой тревоге швырнуть лейкой в лампочку, отключить Верку ударом под дых, потом поймать Байбака в захват и закрываться им, Сергей не придумал. Под шумок можно было бы рвануть сквозь зеленые насаждения, выдавить ребрами стекло и вырваться на волю. Но, во-первых, Сергей уже учел перед уходом подаренный пронизывающий взгляд Фрола и понял, что находится под неусыпным контролем. А во-вторых, не известно, что Шелест успел растрезвонить вензелевским ценителям красивой словесности. Конечно, Шелеста в Ледовом дворце не было, но мало ли, шестерка в курсе, кто тут главный носитель информации? А хорониться по тесному Питеру от всей Вензелевской своры у Пепла не возникало никакого желания.

– Помню, – подтвердил Пиночет и повернулся к Волчку. – Ну, а если я не подпишусь?

– Тогда вернется старый расклад. А карта у тебя хреновая. Есть, правда, джокер, но всю колоду ему не покрыть.

(?Значит, про меня в курсе – скрипнул зубами Сергей. – Ну, Шелест, я – твой должник?)

– Но вам-то тогда отсюда не уйти? – Пиночет смотрел на парламентариев через прищур. Поди – разгадай, шутит он или, пугая, получает удовольствие от ситуации. Или вправду не скидывает вариант со стрельбой.

Верка, обозлясь, перестала прятать шампур и им же принялась накалывать нашинкованные помидоры. Ела она быстро и нервно, будто в последний раз, и наверняка совсем не чувствуя вкуса. Пепел по изменению в позах и задеревеневшим лицам прочитал, что у «министров на яхте» напряжение взлетело под самую мачту. И что? Пина сдаст назад, типа соглашаясь на дружбу с Вензелем? Понятно, на самом деле Пиночет такую дружбу оборвет, едва замерцает к тому шанс. Ведь понимает Пина, что и авторитетный старикан скинет с доски его шашку, едва она проскочит в дамки.

Или вырвутся сейчас из-за пазух шпалеры и закурлычат под бутылочным и лимонным деревьями маслины? Застывшие на дверях братья (и не понятно, когда успели вернуться) хищно облизывали незваных гостей глазами.

– Ты на понт не бери! Не с фраерами языки чешешь! – не выдержав напряжения, сорвался Тарзан. – Вензель тебе нас не простит. Не обыкновенно тогда завалит, а устроит конкретное гестапо.

– Ты переоцениваешь свою круть для Вензеля. – Пиночет небрежно втоптал окуроч в ботаническую землю. – За половину барыша Вензель забудет и про тебя, и про кореша твоего. И над могилками не поплачет, и букет фиалок не положит.

Пепел вдруг въехал, что Пина просто играет. Сам с собой – в русскую рулетку. «Только в русскую рулетку не садись со мной играть. Знай, что в русскую рулетку я умею побеждать». Устроил что-то типа гадания на пистолетах. Выдержат его экстрим вензелевцы, не повыхватывают волены, он пойдет на вальс с тигром-Вензелем. А не выдержат – значит, судьбе так интереснее.

И припомнилась Пеплу еще одна песня:

*Они достали два зловещих пистолета
И перед нами начали трясти,
Мол, доставайте казначейские билеты,
А если проще, то российские рубли.*

И Сергей внезапно вспомнил имя исполнителя этой песни. Вячеслав Ворон.

– Ладно. Ясно. – Волчок поднялся с перевернутого ведра. – Ясно, что передать Вензелю. Пошли, Тарзан.

Клепа подобрался. Не скрываясь, сунул руку в карман пиджака. Братья чуть подались вперед.

– Передашь по «трубе». – Пиночет не торопился вставать. – Скажешь, что я ценю СПОКОЙНУЮ жизнь. Еще скажешь, что пятьдесят процентов я принимаю, но из его рекрутов кроме вас двоих рядом с собой никого не потерплю. И хвосты буду рубить безжалостно. Вот такой у нас с ним будет договор.

Конечно, после этих слов Волчок с Тарзаном не выдохнули расслабленно, не заиграли их лица доверчивыми улыбками. Несколько ударов сердца стороны сверлили друг друга глазами. Потом Тарзан хрипло спросил:

– Это твое верное слово?

– Мое слово, – отчеканил Пиночет.

Волчок и Тарзан переглянулись.

– Тогда давай обсуждать ближайшие дела, – натянуто улыбнувшись, сказал Волчок.

– Давай. Но за столом оно как-то лучше будет, а? – Пиночет стал само радушие. – Шашлычком не угощу, не готовили на вас. Колбасками-огурчиками закусите. Главное, есть чем запивать закусь.

Сергей все еще не верил, что обойдется. И еще одна загадка пришла в голову – а откуда взялась и что тут делает Верка? Сколько всего игроков сегодня играет в покер?

Пиночет поднялся, расслабленно потягиваясь, дескать, засиделся за беседой, шагнул в сторону субтропического дастархана и, будто бритвой полоснул, выхватил «беретту» из-за пояса. Он сделал это быстрее, чем выхватывал смитэндвессоны Юл Бриннер. Шансов опередить у Волчка и Тарзана не было никаких, хотя они, разумеется, пасли взглядами и Пиночета, и Клепу. Не успевали они, да и все тут. Вот и замерли, расставив руки, словно собрались подергать штанги.

Выстрел прозвучал всего один.

Сизый пороховой дымок сквозняком потянуло на бутылочное дерево. Задребезжали в рамках засиженные мухами стекла. Серой ватой заложило уши. Взвизгнула Верка, и Сергей понял, что тоже не успеет ни ее под дых, ни по лампочке, и потому не шевельнулся. С черно-кровавой дыркой во лбу под лимонное дерево завалился Шелест. Сиреневая наколка на лодыжке под задравшейся штаниной, прилипший к подошве окурок.

– Я забыл указать этот пункт нашего договора, – невинно оскалился Пиночет, пряча ствол обратно. – Предателей ведь нам не надо, верно? Гаденыш предал раз, предал бы и второй. Пошли-ка за стол, чего застыли?

Братья выпрямили спины, но Пепел успел подглядеть в их разом окаменевших лицах недовольство исходом переговоров.

Через полчаса тело Шелеста легло во влажную землю ложных субтропиков. Под растущую в чужих широтах развесистую пальму. После похоронной процедуры перед пальмой была обратно воткнута табличка, покрытая резьбой в псевдорусском стиле: «Латинское

название. Находится под заботой и покровительством депутата Российской Государственной Думы А. Г. Невзорова»...

* * *

Салон подержанной «мазды» пропах сладковатым дымом сигарилл. Те, что доллар с четвертью пачка. С коллегами на пару Юрий Витальевич Кудрявцев чадил «Союз-Аполлоном», им же и угощал, и ни при чем тут жадность, одна осторожность. Впрочем, все эти его осторожности-предосторожности не сильно помогут, уж если пришла московская беда и его майорская персона попала под свет министерской лампы.

Во рту – словно обжевался горьковатыми кофейными конфетами. А что еще делать, как не сосать одну за другой? Ну, разве что мозолить уши «Радио Шансоном». И надоело, да лень менять позу, тянуться, вертеть рукоять настройки.

*...У нас с братишкой на двоих четыре ходочки,
Четыре ходочки, четыре ходочки.
И поменялась у меня походочка,
Походочка моя...*

– веселился кто-то в эфире. А у майора настроение – с таким записываются в клуб самоубийц. И никаких изменений на наблюдаемой территории.

Ночь, Аптекарская набережная, вход в Ботанический сад, возле калитки припаркованная «БМВ», на которой прикатили Тарзан, Шелест (они же – Марат Измаилов и Леонид Журавлев) и еще какой-то накачанный клоун. Тоска-а-а. И ведь ясно, что здесь, в этих теплицах, и затаился Пиночет. Да куда в одиночку против стольких стволов?! Ждать, ждать, еще раз ждать и садиться на хвост.

Вот только в сон клонит... Опять закурить? Очередная сигарилла приросла к нижней губе.

Но мысли о сне смыло, как смывает с гранита плевков серой невской волной, когда за оградой замелькали тени. (?А выстрелов не было, перьями обошлись??) Тени оформились в фигуры, выходящие из калитки. Помирился, значить, Пиночет с Вензелем, вот фокусники! Ага, значить, две машины, что неприкаянно ночевали у речки Карповки – пиночетовские. А вот и сам Павел Поляков. Он же тезка чилийского диктатора.

Опаньки! А Шелест где? Где, где... Майор полуприкрыл глаза, высчитывая, что и как происходило под крышей главного городского парника. Есть гаденькая вероятность, что заслали Шелеста через забор проведать, все ли в спящем Багдаде спокойно, и сейчас это мурло крадется с шилом к «мазде». Но, скорее всего... За то, что навел вензелевских...

Может быть, чуть поднялось бы настроение майора, узнай он, как все правильно угадал. А может, и осталось бы прежним – на полшестого. Майор и без того разумел, что он – отличный опер. Каких на весь Питер – раз, два и ау... А скоро одно «ау» останется.

Занятый мыслями о так некстати наступившем мире между Вензелем и Пиночетом, Юрий Витальевич за широкими мужскими силуэтами не сразу разглядел еще одну фигуру... фигурку. Невысокую и хрупкую. Женскую... Девичью. Руки пленницы не были прихвачены «браслетами» или спутаны веревками, а это – какой-никакой добрый знак.

Но этот знак – пшик. Пиночет легко уничтожит в любой момент любого человека. Например, сейчас он может выхватить ствол и выстрелить Соне в затылок, с него станется.

Группа из семи мужчин и двух женщин (?Кто, интересно, вторая? Держится как своя?..) остановилась возле машин и начала что-то обсуждать. Вероятно, кто в какой тачке поедет.

И тут... тут наконец майор инстинктивно дернулся. Стремительно расплющил окуроч в пепельнице и молниеносно расстегнул кобуру. Потому что... потому что там, у речки Карповки, произошло то, чего не ожидал ни майор, ни Пиночет со своими подельниками.

Соня вдруг сорвалась с места, юркнула между не успевшими среагировать пиночетовскими бандюками, в два прыжка добежала до ограды набережной, легко перепрыгнула перила и с каменного выступа, не задумываясь, ласточкой бросилась в реку.

Первой мыслью майора было – разобьется. В большинстве своем питерские речки мелки, особенно возле берегов. Но, судя по реакции гоблинов, девушка не разбилась. Иначе зачем тыкать пальцами, навалившись на парапет, и выхватывать стволы.

Майор так и не вытащил из кобуры табельный пистолет. Ввязываться – пустая затея. Он не Джейс Бонд, а реальная жизнь – не блокбастер. Ничем он Соне не поможет, лишь себя погубит.

Однако там, у Карповки, никто за здорово живешь палить по плывущей мишени не начал. Пиночет похлопал себя по карманам, стал навинчивать на ствол глушак. Потом в ситуацию вмешался незнакомый Кудрявцеву парень (?среднего роста, плотный, шатен, экономный в движениях? – что смог разглядеть, отложил в архив памяти майор). Парень, видимо, приводил весьма убедительные аргументы, так как головы бандюков повернулись к нему.

Вот парень замолчал, и головы бандюков повернулись к Пиночету. Последнее слово за главарем. Пиночет ненадолго задумался, покачиваясь с пятки на носок, потом весело свистнул в два пальца, типа «ату ее, ату!», на том и успокоился. Гоблины нехотя отлепились от перил набережной, бросая прощальные взгляды на реку, и побрели к машинам.

Судя по неторопливости, по отсутствию азарта в телодвижениях, преследовать беглянку на машинах по набережным они тоже не намеревались. Кто же он такой, этот хлопец? Почему к его доводам прислушивается Пиночет? Любопытно...

Майор откинул затылок на подголовник и прикрыл глаза. За несколько секунд решение вызрело. Кудрявцев ПОКА отпускает Пиночета. Гораздо важнее отыскать Соню. Ясно, что перепуганная дочка Семена Моисеевича поплыла к Неве, до которой отсюда не больше сотни метров.

Резко взявшие разбег три бандитские тачки промчались мимо «мазды» Кудрявцева. Дождавшись, когда они скроются из виду, майор выбрался из машины. Он найдет Соню. Ему главное – докричаться до девчонки, убедить ее, запуганную и затравленную, с помутившимся от страха рассудком, что он не заодно с Пиночетом, что он ее друг, что он поможет ей...

* * *

– Куда, э? – властно протянул мужик, оторвав нос от кроссворда. И начал медленно всплывать над столом, над телефоном, над журналом сдачи дежурств, журналом выдачи ключей, журналом записи посетителей, над кружкой, на которой жрали морковку мультяшные зайцы. Всплывали квадратная фигура, упакованная в новенький камуфляж, короткая непользованная дубинка, глаза, полные превосходства и тупости.

– Ты, чего, не узнаешь, служба? – спросил Пепел, толкая турникет. Бросил реплику, как должен бросать их обслуге, скажем, владелец всего этого трехэтажного хозяйства.

– А может, ты и меня не узнаешь? – Пиночет был сумрачен, целеустремлен и опасен, как танк в голом поле. Словно он и ни кто другой – «крыша» этого гнезда.

Клепа довольствовался тем, что пырнул вертухая взглядом, как заточкой, и прилепил жвачку к настенной коробочке «При пожаре разбей стекло и нажми кнопку». Стопорнуть турникетом столь серьезную троицу охранник не осмелился. До дна прочувствовав собственную ничтожность, он утомленным солнцем закатился обратно за стол.

«Моя любовь на третьем этаже?», – мысленно пропел Пепел, первым выходя из лифта. Дорогу к офисам преграждала дверь с кодовым звонком. На ней солидная табличка «ООО «МасШтаб»». Можно было воспользоваться кнопкой вызова и, поболтав со сладкоголосой секретаршей, получить щелчок замка. Но Пепел предпочел молчаливый вариант.

Он склонился над цифровой панелью, взгляделся. То ли вспоминал цифры, то ли определял по затертости кнопок верную комбинацию. Потом сыграл аккорд. Замок открылся без всяких секретарш. «И пацан ломал замочки, Ухажеров бил, Кольца, серьги и цепочки Только ей дарил», – пришли Пеплу на ум слова из хар-р-рошей песни.

«Прошел он коридорчиком и кончил стенкой, кажется?», – сменил в уме песню Сергей. Рыжий ковролин глотал звук шагов. Стекло каждой двери украшала какая-нибудь рисованная или наклеенная самодеятельность, чтобы визитеры нечаянно не вышибли лбом, – двери-то от порога до верху прозрачные, как родники Предэльбрусья. Вот вырезанный из журнала старина Элвис в обнимку со сборной красоткой (фотоголова Пугачевой плюс обнаженное тело из «Men only»). Вот Билл Гейтс с дорисованными маркером рожками и чапаевскими усами, вот «Джорджу Бушу вход запрещен».

Сергей уверенно ступал по ворсу, будто зная, а может, и вправду зная, какая из дверей ему нужна. Пиночет и Клепа держались сзади, как эсминцы за адмиральским флагманом.

За дверьми бурлила жизнь: офисные мальчики лупили по компьютерным клавишам, вертя задницами кресла или ездя от одного края стола до другого на колесиках; офисные девочки с деловитейшим видом переносили по комнатам бумаги, флиртовали с мальчиками и кушали шоколадки; дама в годах, каким-то причудливым ветром занесенная в молодежный цветник, с угрюмым видом насиловала посредством «мыши» бухгалтерскую программу.

Пепел толкнул, как свою, дверь с трафаретом «Вход торговым агентам – \$20». Троица вошла в помещение, метраж которого удовлетворил бы не меньше трех молодых семей сразу, а высота потолков устроила бы дядю Степу. А еще эта территория вещественно воплощала мечту членов кружка «Юный техник». Ладно бы только знакомого компьютерного железа тут было завалилось, так ведь еще куча... горищи!... анды с кордильерами всякой аппаратуры, предназначение которой фиг отгадаешь. И все жужжит, будто ты на пасеке. И духота.

Здесьние работники были отделены друг от друга матовыми пластиковыми перегородками. К вошедшим повернулись две-три из десяти налициествующих голов. Как повернулись, так и отвернулись.

Пепел осматривался, словно космонавт, вернувшийся в Космический Городок после полугода орбитальной вахты на МКС – вроде бы кругом все свое, родное, но кое-что успел-таки подзабыть. Потом твердым быстрым шагом Сергей направился к отсеку, в котором восседал погруженный в компьютерную жизнь патлатый хлопец. За Пеплом, понятно, на незримой привязи потащились Пиночет с Клепой.

– Здорово, читер. – Сергей завис над тощим плечом, прикрытым фланелевой рубахой с кокаиновыми дорожками перхоти. – Какие коды пробил?

Читер не отвлекся от джунглей, от пулемета-противовоздушки ZPU-2 и графики топо-вого уровня. Прохождение «Вьетконга» важнее какого-то внезапного юзера. Но поскольку юзер не лез с глупостями, а спрашивал в жилу, читер снизошел до ответа, не оборачиваясь.

– Бесконечный боезапас через «ammo», трясущийся экран через «gambleon», через «inler» получаешь гвоздомет. Пока все.

Даже в профиль поражала синева под глазами читера – привет от интернетных ночей.

– Попробуй настучать «Voron», – посоветовал Пепел.

– Знаешь?

– Есть такое предположение.

За соседней перегородкой судачили не о работе:

– Слушай, сон чудной приснился. Из прыща на подбородке я выдавил елочный шарик, а после этого разбил молотком. Что бы это значило?

– Опять, значит, чиф зарплату задержит.

– Ты смотри! – восхищенно воскликнул читер, щелкнув обгрызленным ногтем по экрану девятнадцатидюймового «Флэтрона». Там из тщательно прорисованных соломенных хижин деревеньки, которую штурмовали американские командос, выходили желтолицые гуки с поднятыми руками. – На этот код враг сдается.

– Так я и думал, – почему-то без воодушевления пробормотал Пепел. – А кто сейчас из вас свободен на консультацию?

– Петька.

– Ты уверен, что он свободен?

Впервые читер оглянулся, но посмотрел не на Пепла, а мимо него. Проследить, на что уставился читер, не составляло труда.

– Свободен. Ты не гляди, что он с умной видухой чего-то набирает. Это он учится печатать вслепую. Приперло ему осваивать смежные специальности.

– А мне вчера приснилось... – бубнили за перегородкой сачки.

Пепел со своим почетным эскортом подрулил к указанному Петьке.

– Зачем окунаешься во вчерашний день, когда есть MobiVoice. Разве это не он? – И Пепел вытащил из-под бланков за шнур, как за хвост кота из-под дивана, гарнитуру, маркированную на наушниках «СУВИТ».

– Чего это за прибабах? – на ухо спросил Клепа у Пиночета.

– Не все “запорожец”, что тарыхтит. Наверное, эта фигня переводит твой базар с голоса на экран, – предположил Пиночет и угадал.

Клавиатура лежала у Петра на коленях. Не убирая ее, он повернулся к Пеплу. Пальцы компьютерщика забегали по клавишам, и Сергей увидел, как на экране вырастает вопрос, набираемый жирным курсивом.

– Отец, – сказал и написал Петя, – а ты знаешь, что свитер ручной вязки стоит дороже машинного свитера? – Причем, «слепой наборщик» умудрился наделать кучу ошибок. Даже в слове «он». К тому же Петя лепил везде букву “б”, видимо, все время нечаянно задевал ее пальцем. Что-то подсознательное.

– Понятно, – кивнул Пепел. – А ты знаешь, как в городе найти человека по электронному адресу? – И положил на клавиатуру зеленую купюру.

– Чайник, – поставил устный и письменный диагноз Петя. – Будем лечить. В заголовках концы реджинейтинг ай пи. Можно понять, откуда «мыло» пришло. Еще могут быть хвосты... Если искомый чел цвета этой купюры, то не предохранялся... – Купюра исчезла в карман. – Меня бы с прожектором не нашли. Только силовики...

– А на человеческом языке?

– Перешли мне его «электронное письмо», – Петя на экране свернул чистописание и развернул почтовую программу, – на этот адрес. – Его палец мазнул экран в самом верху. – За отдельную плату.

– Фишка в том, что нужный человек получил письмо, а не отправил.

– Дело за малым, попроси его ответить и перешли мне ответ.

Пепел пригляделся к электронному адресу компьютерщика:

– Флеров, собака, масштаб, эспэбэ, точка, ру?

– Точно. В «масштабе» не «си», а два «эс», как у доллара. За труд возьму двадцать баков.

– Какой позор, нас приняли за коммивояжеров, – повернулся Пепел к спутникам. – Уходим в оскорбленном молчании.

* * *

Три машины, как три ладьи, стояли друг за другом на парковке перед офисным центром.

– Отбой тревоги, – отчеканил Пиночет в мобильник. Это значило, что Байбак прекращает пастись с той стороны дома на случай попытки Сергея сигануть из окна.

Сбежавшая с крыльца троица направилась к “мерсу”, на заднем сидении которого дожидалась их возвращения Вероника. В «БМВ», стоявшем последним, курили сквозь приоткрытое окно вензелевцы. В стоявшем первом джипе сидели Фрол и Силантий. Байбак, дожевывая шаверму, впрыгнул на заднее сидение и поджал Пепла впритык к Пиночету. Клепа, нетерпеливо поерзав за рулем, наконец посигналил, чтобы джипарь трогал с места. Нулевая реакция.

– Что они там, уснули? – пробурчал Пиночет.

– Тарзан подсаживался к братьям в машину, – вдруг бесцветно сообщила Вика с переднего сидения.

– Сговорились? Нет, не верю, что наших дубов-колдунов за пять минут перевербовать можно.

– Он их грохнул, – глухо сообщила Вероника.

– Ха-ха. – Клепа решил, что девка удачно пошутила.

Пиночет, видимо, решил по-другому. Он рванул дверцу и выпрыгнул на поребрик. Клепа несколько запоздало поспешил за ним. Пепел не пошел, он и так мог угадать предстоящий разговор. Байбак посчитал более выгодным остаться сторожить Сергея.

– И зачем? – склонился к приоткрытому окну «БМВ» Пиночет.

– Это наш ответный пункт договора, – заявил Тарзан спокойно, словно не людей только что порешил, а все это время, не выходя из машины, читал газету.

Пиночет вернулся в “мерсюк”. Он вроде бы выглядел взбешенным. Но у Пепла имелись серьезные основания полагать, что Пина доволен. Что именно ради такого развития событий (рассчитывал чужими руками избавиться от двух ставших совсем ненужными, но претендующими на кусок финального приза людей) он впервые не позвал братьев с собой. И, кроме того, Пиночетовские цепные псы – Байбак да Клепа – будут отныне меньше пялиться на сторону. Вензелевцы чересчур выпукло показали, как лихо обходятся с отработанным человеческим материалом. Что ни говори, Пиночет – мощный игрок.

– Как же так, как же? – бормотал Клепа и от волнения никак не мог проверить ключ зажигания.

– Их концертный мент мог запомнить, – как бы между прочим подкинул оправдалку Байбак.

А вензелевский «БМВ» уже выбирался задом со стоянки.

– Поехали, после разберемся. Сейчас линия отсюда надо, – мягко поторопил его Пиночет. И, типа, очень зло шикнул на Байбака: – А ты нишкни, мразь, профукал стрему, шавермой беньки заялозил!

Пепел подмигнув Верке и озвучил старт словами старой доброй «застойной» песни:

*Радуются соседи,
Те, кто пока не едет,
А ходит пешком
Близко и далеко,
Кто с хорошей жизнью не знаком...*

* * *

– Здесь не в кайф, – причмокнул Пиночет.

– Тебе подавай «Золотого бригадира» или «Асторию»? А на старых знакомых напороться не боишься? – фыркнула Верка, – Я здесь бывала. Нормально. Днем никого.

Пепел насторожился. С какого лешего обычно молчаливая Верка ратует именно за это заведение? Может, ее прет, что здесь на подмостках живые цыгане?

*Милая,
Ты услышь меня,
Под окном стою
Я с гитарой!*

– заунывно щипал струны старшей сценического табора. Остальные сонно подпевали.

– Я ничего не боюсь, – для порядка рыкнул Пиночет, но все же не повернул на выход, а уселся на стул с высокой спинкой и сразу же придвинул к себе пепельницу.

Официант поспешил разложить через плечи поредевшей компании – Пина, Тарзан, Волчок, Верка и Пепел – тощие папки меню и винных карт, по просьбе клиента убрал вазу с георгинами (?Флору на хрен отсюда, надоела?, – это сказал Пиночет).

По персональному заказу Тарзана ресторан заперли на щеколду и вывесили табличку «Обслуживание мероприятия». И эту прихоть вензелевцы сразу же оплатили, вложив метродотелю в ладонь лохматую пачку сотенных купюр. И вот тут Сергей уже поверил, что Пиночет пухнет с досады, а не наигранно. Вензелевцы бурели на глазах. И ведь как все кисло-то, теперь им Пиночет – лишний, ответ знает только Пепел. Поспешил Пина остаться без Клепы и Байбака... На месте Пиночета Сергей бы сейчас прекратил дуться и стал разыгрывать бесшабашного весельчака.

Судя по лицам, цвету кожи и росту, ромалы были не ряженые граждане первой попавшейся национальности, а именно что цыгане. Ну, в самом крайнем случае молдаване, хотя на фига ресторану молдаване? Конечно, маленький концертный табор составляли прилизанные, приглаженные, ухоженные артисты, выгодно отличающиеся от своих собратьев, шерстящих возле рынков и вокзалов.

*Так взгляни ж на меня
Хоть один только раз,
Ярче майского дня
Чудный блеск твоих глаз!*

– Соленые огурцы здесь аж по тридцать рублей. Однако! – наигранно возмущенно Пиночет захлопнул меню. – Аукни, Верунчик, своих земляков, чтоб душу наискось порвали, раз маячат. Представьте себе, аж по тридцать целковых! Вот бы бросить мне пить, да с начала начать...

Тарзан и Волчок поморщились, их Пиночетовское ерничанье не прикалывало.

– Ну, чего ты накопал в этом компьютерном клоповнике? Давай колись! – будто и не заметив укусных гримас, широко скалящийся Пиночет стал крутить фарфоровую солонку в виде чертенка с дырочками между рожками. Такие же бесята заплясали в его глазах, не обещая ничего хорошего никому.

– Какой же рассказ, когда в животе урчит, а в горле сухотища? – Пепел откинулся на спинку. И покачал головой, мол, какой ты нетерпеливый, Пина, вот-вот заснут халдеи с бутылками, фужерами и холодной закусью, что ж за радость прерываться через слово?

– А что за понт тянуть вола за вымя? – передвинул от Пиночета к себе пепельницу Волчок.

Пепел ответил демонстративным молчанием.

– Че он немного корчит? – спросил Волчок Тарзана. – Может, его на кошельки порезать?

– Сначала загляни под стол, – от всей души улыбнулся Волчку Пина.

Волчок поворочал скулами, но все же заглянул. И увидел нацеленную ему в пах «беретту» с глушаком.

– Значит так, соколы, взвившиеся орлами, еще один дешевый наезд, и доля Вензеля умножится на ноль, пять. А с какого-такого бодуна, я вашему папику по мобиле растолкую лично. Дескать, евонные пацаны слово не держат и вести себя за приличным столом не обучены. Ясно?

*Повисла пауза.
Ночь тиха была,
Соловьи поют,
Чудный запах роз
Всюду носится...
Мы гуляем с тобой,
Луна светит на нас
И в лазурной воде
Отражается!*

– Ясно, – наконец через силу буркнул Волчок.

– Вот и умница. А насчет кошельков, так я тебе, касатик яхонтовый, всю правду сам расскажу. Силой из Пепла слова не выжмешь. И я ему слово дал, что он не пленник, а в доле. Только доля его не в деньгах, а в свободе. Ясно?

– Ясно, – за Волчка проворчал Тарзан.

А Сергей восхитился, как Пина сумел воткнуть быков на место, да между делом Пепла из рабочего материала превратить в их личного врага. Что ж, Сергей тоже постарается играть маржу на фосках. Он тоже насчет лапшовой ухи не плебей.

*Так взгляни ж на меня.
Хоть один только раз,
Ярче майского дня
Чудный блеск твоих глаз!*

Пепел заговорил только тогда, когда на скатерти утвердились запотевший графин с водочкой, вазочки с икрой, бутерброды и всякие там салаты. Когда вышколенные официанты застыли у стены: откуда видно, чем недоволен клиент, чего еще не хватает клиенту, но откуда не слышно разговоров. Когда эстрадная команда грянула новую песню:

*Очи черные, очи страстные!
Очи жгучие и прекрасные!
Как люблю я вас! Как боюсь я вас!
Знать, увидел вас я в недобрый час!*

– Значит, так, девчата и хлопцы, мы почти у денег. За что и предлагаю выпить по первой!

Закусив икоркой и утерев губы салфеткой, Пепел так приступил к отчету о проделанной работе:

– Сложные электронно-вычислительные копания подарили нам такие результаты. Акела заслал несколько многозначительных цифр человечку, инкогнито из Петербурга, который знает, что эти цифры обозначают.

– Куда? – вырвалось одновременно у Пиночета и у Волчка с Тарзаном.

– «Кому»? – поправил Пепел. – Я подозреваю, что это номер анонимного банковского счета, на котором шелестят приятные суммы, размер которых для меня – тайна. И теперь знает сей заветный номер счета какой-то фразер. И чтобы найти знатока, всего лишь нужно сделать так, чтобы он прислал ответное письмо по «мылу».

– Че за фигня? – сдвинул брови Тарзан.

– Какие цифры? Озвучь, – наморщил лоб Волчок. – Вместе отгадку поищем.

– Я типа длинным языком сам себе могилу вырыть должен? Шалишь. Мне гарантии нужны.

*– Ох, не даром вы глубины темней!
Вижу траур в вас по душе моей,
Вижу пламя в вас я победное:
Сожжено на нем сердце бедное.
Но не грустен я, не печален я,
Утешительна мне судьба моя:
Все, что лучшего в жизни бог дал нам,
В жертву отдал я огненным глазам!*

Не дожидаясь поддержки товарищей по застолью, Пепел опрокинул в себя полтачу холодной водочки.

– Хочу цыганских плясок! – в наступившей за столом задумчиво-наэлектризованной тишине капризным голосом заявила Верка.

На Верку недоуменно уставились Волчок: «Чего за пургу несет эта баба?» и Тарзан: «Она, чего, совсем не врубается, когда лезть со своими бабскими глупостями, когда сидеть тихо, как клоп под обоями»? Пепел, казалось, был всецело поглощен салатом, Пиночет снисходительно заухмылялся:

– Дама заскучала за мужскими беседами. Дама желает родных напевов. А нам не жалко! – Пина поднял вверх пальцы и щелкнул.

Интернациональный жест был понят правильно. Две гитары, зазвенев, страстно заиграли, забренчали бубны, запиликали скрипки. Взметнулись пестрые юбки, заходили плечи, ноги в туфлях и сапогах пошли вышибать из паркета ритм.

*Как грустно, туманно кругом,
Тосклив, безотраден мой путь,
А прошлое кажется сном,
Томит наболевшую грудь!
Ямщик, не гони лошадей!
Мне некуда больше спешить,
Мне некого больше любить,
Ямщик, не гони лошадей!*

Верка вскочила со своего места на первых же аккордах. Действительно, чего ей слушать мужские терки, когда можно гулять-веселиться, гонять танцем молодую кровь по жаждущему удовольствий телу?

*Как жажду средь мрачных равнин
Измену забыть и любовь,
Но память, мой злой властелин,
Все будит минувшее вновь.
Ямирик, не гони лошадей...
Мне некуда больше спешить,
Мне некого больше любить,
Ямирик, не гони лошадей!*

– Какие еще гарантии?

– Только я вскроюсь, вы меня грохнете. Так что предпочту работать в темную до финита ля комедии. А это значит, что здесь и сейчас мы прикинем, каким непростым образом я смогу переписаться с этим человеком, чтоб он мне ответил. И чтоб кроме меня никто этого «мыла» не понюхал.

– Я въехал, «мыло» – это на ихней фене «малява», – обрадовался Тарзан.

Пиночет напел не на мотив исполняемой цыганами песни:

– Клофелинщицы образ милый мне не смыть каустическим мылом...

*Все было лишь ложь и обман...
Прощай, и мечты и покой!
А боль незакрывшихся ран
Останется вечно со мной...
Ямирик, не гони лошадей.
Мне некуда больше спешить,
Мне некого больше любить,
Ямирик, не гони лошадей!*

Верка затерялась среди половодья цветастых шалей, летающих рук и черных волос. Она, кажется, что-то кричала или пела. Песенный текст был давно исчерпан, сейчас слышалось одно «чавел-л-ла» да яростное и пьянящее, как вольный воздух, как полыхание костров в ночной степи, безумство гитар, скрипок и бубнов. Созерцание танца вдруг прожгло Пепла, как горячий уголь, Вероника становилась то грациозной наездницей, то кувшинкой в водовороте, то насаженным на вертел фазаном... По новой возвращая Сергею память о своем сладком теле.

Когда музыка оборвалось, всем показалось, что в ресторане стало даже как-то темнее. Верка с капельками пота на лбу опустила и тут же с аппетитом хлопнула рюмаху.

– А с чего ты взял, что этот лох тебе обязательно ответит?

– Потому что я назовусь Акелой. Наш клоп ведь не в курсах, что Акела кони двинул.

Пиночет тихо выматерился и схватился за мобильник:

– Алло! Алло? Клепа? Тормози работу. Пусть мощи еще с нами покатаются... Алло, как – поздно?!.. – Пиночет положил трубу на стол и расхерачил ударом кулака. – Блин, они его уже в Неву сбросили. Как пить дать, всплывет.

– Не понял? Жмура сегодня-завтра обнаружат? – переспросил Тарзан.

– Мы не настолько тупы, чтобы повторять умные вещи, – огрызнулся Пина.

А цыгане, чуть переведя дух, снова тронули струны, снова ударили в упругую ткань бубнов.

*Лохматый шмель
На душистый хмель,
Цапля белая в камыши...*

– Я не хочу танцевать одна. Я – женщина, в конце концов!

*...А цыганская дочь
За любимым в ночь,
По родству бродяжьей души.*

И, более не тратя времени на слова, она схватила за руку Пепла. Сергей легко дал себя увести от угрюмых лиц пиночетовско-вензелевской братвы.

– Эй, ты куда? – догнал Сергея недоуменный возглас Тарзана.

– Ладно, пусть девочку побалуует, – ответил ему Пиночет.

*Так вперед, за цыганской звездой кочевой,
На закат, где дрожат паруса...*

Верка встряхнула головой, пуская волну из черных волос, взмахнула руками, топнула ногой.

*...И глаза глядят с бесприютной тоской
В багровеющие небеса.*

Поигрывая плечами и грудью, Верка приблизилась к Пеплу. Подмигнув и улыбнувшись, сказала:

– Ты умный, тебя даже Пина послушался. Тебе хватило одной фразы: «Сколько у тебя запасных обойм»? , чтобы он не стал стрелять в евреечку, – льстила и ластилась Верка, – Я знаю, откуда ты можешь Акелиному дружку письмо послать. Выскочим через халдейскую дверь. Оттуда к служебному выходу. Оттуда за угол и проходными дворами. С ромалами я договорилась, они прикроют.

*Так и будем идти,
Не боясь пути.
Хоть на край земли,
Хоть за край.*

Пепел обходил по кругу отчаянную дочь цыганского народа, заводя поочередно руки за голову и потом похлопывая в такт мелодии ладонями по щиколоткам.

*Так вперед, за цыганской звездой кочевой,
На закат, где дрожат паруса...*

Веркины глаза снова оказались совсем близко от глаз Пепла.

– Я отведу тебя к нашим. Нигде ты не спрячешься надежней. Наши честно возьмут половину и потом помогут тебе уехать, куда пожелаешь. Пойдешь?

Пепел уже все просчитал: играет ли Верка сама, или провоцирует по указке Пини; одна ли Верка надеется удержать возле себя Сергея или их поджидают у ресторана друзья из ее табора; имеет ли смысл ему корешиться с ромалами. И вот ответы: Пине нет смысла проверять Пепла, он и так знает, что тот готов сбежать при любой возможности; конечно, Верка не решилась бы на такой отчаянный шаг без поддержки, кстати, ведь именно она выбрала этот ресторан, да и плюс отличное знание, какие тут дворы поблизости проходные; да, ему есть смысл корешиться с цыганами.

– Пошли, чернобровая, – сказал Сергей.

Тогда Верка что-то громко выкрикнула на языке кочевого народа. И ромалы пестрою толпой тут же слаженно двинулись к столу Пиночета. Пепел и цыганка Вера сразу же оказались за завесой из развевающихся юбок и шалей, за красными мужскими рубашками гитаристов, скрипачей и плясунов. Яркая живая стена растянулась до той самой двери в служебные помещения. За этой стеной Пепел и Верка не бегом, но быстрым шагом добрались до выхода из зала. А по кухням, коридорам, заставленным баками, мимо моек они уже бежали. Выигрыш от одной до трех минут им обеспечен – быстрее Пина не спохватится – а этого довольно даже и без проходных дворов.

Но до дворов, как Пепел и предполагал, дело не дошло. Едва они выскочили на улицу и побежали к углу дома, их нагнала «девятка», остановилась, завизжав тормозами и въехав передними колесами на тротуар. Из распахнувшихся дверей высыпало трое невысоких смуглых парней.

– Это наши! Какая удача! В машину! Быстрее! – радостно, будто и вправду случайно так совпало, закричала Верка, не забыв намертво вцепиться Пеплу в рукав.

Сергея бы запихали, начини он сопротивляться. А начини он сопротивляться всерьез, его бы, конечно, не до смерти порезали ножами. Но Пепел без вопросов, брыканий и прочих глупостей запрыгнул в прокуренный салон «девятки». Ведь он уже все заранее обдумал и решил.

Глава 5. Чавелы

...Незаконное лишение человека свободы, не связанное с его похищением, – наказывается ограничением свободы на срок до трех лет, либо арестом на срок от трех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет... (Статья 127 УК РФ)

– Весьма интересный жилец, – сказал Юрий Витальевич, брезгливо понюхав кружку с жирно-коричневым осадком на стенках. – И, самое грустное, никаких концов не оставил. – Майор подошел к магнитоле, занес руку над кнопкой «play» но почему-то передумал шуметь.

Соня зябко поежилась, хотя комната сквозь запыленное стекло была залита солнцем по люстру:

– Он нормальный парень, только в жизни не повезло. Папа с его отцом когда-то вместе... Вот папа и решил помочь.

– Только не надо из своего покойного папеньки доброго самаритянина строить, – брезгливо поморщился майор, приставил стул к шкафу, взгромоздился и заглянул наверх. – С твоих слов выходит – решил помочь, а, по моему разумению, Семен Моисеевич подобрал парня, которого воля не шибко ждала. – Кудрявцев, морщась, носовым платком вытер пыль с ладони. – Торпеду готовил для своих мутных игр, вот только против кого? Не против меня ли?

– Вы ведь дружили с отцом...

– Я по службе курирую черный рынок антиквариата. Если нужно расшифровать, что значит – «мы дружили», то твой папа барабанил, как Ринго Старр, на всех вокруг вдоль и поперек. – Майор ударил носком ботинка о батарею, и та жалобно загудела. – Не из дружбы, правда, и не из врожденной подлости. А из выгоды: моими руками убирал конкурентов. – Майор без энтузиазма поковырялся в кожаной сумке с фотопричиндалами «Filips». По его скучной mine было сразу понятно, что ничего интересного в этой берлоге он найти и не ожидает, а шарит так, из привычки и для проформы. – Да, видно, слишком долго мы пахали антикварный чернозем бок о бок, слишком многое я про Моисеевича между делом проведаль, слишком близко и к его закромам подобрался. Вот и готовил твой батяня сюрприз. Какая здесь дружба?

– А зачем тогда вы меня вытаскивали из реки? – испуганно спросила Соня.

– Дело тут не в твоём отце, дело в тебе, – под нос пробурчал майор и облапил подушку, не спрятаю ли чего под наволочкой.

– Значит, вы из-за меня? – Соня сделала шаг назад. Ее рука потянулась вверх и механически стала расстегивать пуговицы на сарафане. Ее глаза остановились на ядовито-зеленых цифрах электронных часов, словно время для девушки что-то значило. Лицо Сони в этот момент было простым и некрасивым.

Майор придвинулся к окну и попытался сквозь грязь разглядеть обстановку во дворе:

– А жигуленка-то нет, катается...

– Сергей у них в заложниках, – отрешенно выдохнула девушка. – Он с ними не заодно. Он меня специально не узнавал. – Рука Сони вяло трудилась над непокорными пуговицами, глаза завороченно отражали ядовито-зеленые цифры.

Юрий Витальевич реплику проигнорировал:

– Подытожим, что мы знаем про нашего акробата. Сергей Ожогов, кличка «Пепел». Отбыл две судимости. Освободился месяц назад, на работу не устроился... Разъезжает по

доверенности от Семена Моисеевича на автомобиле «пятерка» номерной знак... – Майор обернулся и только сейчас увидел, что девушка покорно расстегнула сарафан.

Кудрявцев крикнул:

– Брось, дочка, и так в обиду не дам. Ты теперь богатая невеста, тебя беречь надо... – Майор вернулся к созерцанию двора. – Поживешь здесь, пока на старой квартире ремонт после пожара, то да се. – Майор снял со стены древний дуэльный пистолет и понюхал дуло. – Пустяки, что берлога берлогой. – Юрий Витальевич подвесил пистолет обратно, в сторону Сони он старался не поворачиваться. – Значит, весь сыр-бор из-за золота Акелы. Там очень забавный расклад. Как-то там его по имени-отчеству, уж не помню, все привыкли «отца» секты звать Акелой. Акела сидел на сундуках с золотом Храма Голубя, и все, что попадало ему в руки, обратно не возвращалось. Но различную экономическую деятельность Храм-то вел, и порой весьма успешную, хотя нельзя сказать, чтобы абсолютно легальную. И вот коммерческий директор, некто Станислав Анатольевич Мазуров, стал настырно предлагать, чтобы пустить накопленное добро в оборот. Акела ни в какую. Коммерческий тогда созвал совет, где кругом решили, что Акела не прав. Акела изобразил покорность и на следующий же день взял под ценности Храма солидный кредит. А еще через день исчезли и денежки со счета, и сам Акела.

Соня так и осталась неприкаянно стоять, как чужая в этой квартире. Правда, хоть сарафан застегнула. Сарафан был будто жеванный, а кое-где читались маслянистые пятна – след недавнего купания.

– Зачем вы мне это рассказываете, дядя Юра?

– Зачем я тебе это рассказываю? Затем, что ты пока поселишься здесь, поскольку здесь безопасней всего. Сюда никто не явится, разве что кроме этого Пепла. Но он не опасен. Только попрошу тебя, когда он появится, вот эту шоколадку переломить пополам. И ко мне пойдет сигнал, это чтобы Сергей Ожогов стал безопасней вдвойне. Хлопец ведь после зоны, до женщин голодный, вон, я, старый хрыч, и то еле удержался, твоих коленок насмотревшись. А он женщин пятнадцать лет не знал... Да не морщся, не задумал я ничего худого, так бы обыкновенную засаду из ОМОНа организовал. Просто проведу с парнем профилактическую беседу. Ну, не в тюрьму же его тащить, мне за это не заплатят.

Обыкновеннейшая пятидесятиграммовая плитка «Русских сказок» осталась на столе. Майор еще раз крикнул, поддернул брюки, опустился на колени у двери и начал уже проводить шмон по всем правилам: от плинтусов к потолку, справа налево.

– Да, дядь Юр, я вспомнила. Этот Пиночет одного из своей банды послал в грильник на Невском. Предупредить какого-то усатого, что папа погиб.

– Не было никакого усатого, – вздохнул простукивающий стенку майор. – Это Пиночета обычные фокусы. Он знал, что его гонец прямиком к Вензелю отправится. Пиночету уже было чем торговаться с Вензелем. По крайней мере, Пиночет так считал в тот момент. Откуда ж этот клоун мог предполагать, что между ним и Акелой впишется твой Пепел?

* * *

Посторонние в этой комнате всегда себя чувствовали неловко. Им вечно казалось, что одно лишнее движение, и обязательно зацепятся за антенну или какую-либо другую торчащую деталь плотно набитой сюда электроники. А из-за длинного, во всю стену, и упирающегося в потолок стеллажа с видеокассетами каморка казалась еще тесней.

– Тут по народу весточка расцвела, что Пиночет опять в большом розыске у папы Вензеля, – сообщил пропитой голос на ухо. – Если нужны подробности...

– Подробности не нужны, – оборвал Таныч. – До связи. – Отложил мобильник и отсутствующе уставился на припорошенный пылью рукописный молитвенник в сафьяно-

вом переплете, одиноко лежащий в правом углу стола. Потом на автопилоте подступил к стеллажу. Пробежал пальцами по рядам торопливых каракулей, нашел трехчасовку «Пиночет», воткнул в видак и вернулся за рабочий стол, на фоне богатой аппаратуры предельно скромный. Таныч Соков не любил сорить деньгами без надобности.

Долго раздумывать излишне. Ясно, что опять не поделил Павел Поляков с Вензелем Акелу, вот и вышли вилы. Теперь вопрос, какая первой из держащих город сил до Пиночета доберется. И Таныч Соков имел надежду на этот раз наконец всех опередить. Что должен первым делом учинить Паша Поляков на тропе войны? Сменить машину, при этом вряд ли он рискнет таковую где-нибудь угнать. Машина ему нужна «чистая»...

По телеку пошли кадры. Пиночет в анфас, Пиночет в профиль, причесочка еще прежняя, из прошлого века, и костюмчик уже давно не модный. Любительская запись: Пиночет на дне рождения Тошика в «Тройке»... Сейчас будет место, где Зураб опрокинет на себя супницу.

С той стороны ожидается шесть бойцов, посему за Таныча будет только внезапность – не впервой. Соков, глубоко дыша, мысленно досчитал до десяти и стал собираться.

Зураб опрокинул на себя супницу. Пошли более современные кадры, с операции «Невод»: задержание опергруппой троих подельников Паши Полякова, соучастников по грабежу автозаправки «Нестле». Руки на капот, прикладом по почкам, бегуна мордой об асфальт. Но после, на суде, никто из героев имени Паши не назвал, главарь остался гулять на воле. А было это, дай Бог памяти, в девяносто седьмом. Пошли кадры с пушного аукциона, история приключилась три года тому.

Соков воспринимал видеокартинку вскользь, звук убрал умышленно, поскольку и так за последние пару дней вызубрил видеоряд, а голос Пины смог бы с завязанными глазами вычленив в вокзальной склоке. Сейчас Таныча интересовала только пластика отморозка, сектант «впитывал ее в подкорку», чтобы узнавать того хоть со спины, хоть в парике, и научиться предугадывать будущие телодвижения гражданина Полякова.

Таныч подошел к шкафу, скрипнул облупленной дверцей: во-первых, серые рубашка, джинсы и куртка, чтоб в сумерках не отсвечивать, но все при дневном свете престижное, с лейблами и т. д., – чтоб за чмо не принимали. Кепку в карман, чтоб в случае чего надвинуть на глаза. Затем обувь с подошвой без рисунка.

На экране Пиночет закупил десять кило меха для какой-то ляльки, и у него вдруг не хватило на кармане денег. Вот его пытаются вытолкать взашей. Вот он микрофонной стойкой съездил охранника... Тогда Пина чуть не сел по смешной статье «хулиганка», но на попятную пошли сами устроители аукциона. Сами оплатили ремонт зубов охраннику. Чтоб молчал в тряпочку. История так и не получила огласку.

Руки Таныча работали будто сами собой. Нырнула в нагрудный карман упаковка таблеток. Далее – вокруг пояса обвился банальный шелковый шнурок со свинцовой гирькой, два бритвенных лезвия скользнули в задние карманы джинсов и увесистый «стечкин» заполз под брючный ремень.

Аукционная запись кончилась, пошли записанные скрытой камерой в декабре две тыщи первого сцены в Казачьих банях...

Не оттянут карман новая мобила, подключенная к JSM и зарегистрированная на известного Иванова, и краснокожее удостоверение «Службы судебных репортеров» – на Петрова Феликса Эдуардовича (с фоткой Таныча). Не Бог весть что, но достаточно, чтоб ППС отвалила...

Соков выдвинул ящик стола, где горстью лежали жучки и маячки, отобрал по штучке. Навесил на шею смакленную под ушастый плеер систему прослушки. Не забыл стоящий сумасшедших денег сканер для дистанционной считки кодов автомобильных сигнализаций.

На самом деле в хозяйстве имелись вещицы и того пожестче, но ведь не на Балканскую войну собирался...

– Сиди, че вскакиваешь, как прыщ на третий день? – без стука ввалился в персональный кабинет своего зама по безопасности генеральный доктор голубиной секты Станислав Анатольевич. А за ним еще трое из личной охраны, но не те, кого отбирал и натаскивал Таныч. – Порнушкой балуешься? – кивнул старший на мельтешащие по виду кадры, где Пиночет резвился с двумя банными проститутками на бильярдном столе.

– Да не оставит истина эти стены, – соблюл ритуал Таныч с каменным лицом.

– Истина?.. Вот где истина! – вдруг всем весом навалившись на стол и упершись в молитвенник левой рукой, потряс перед носом Таныча Станислав Анатольевич новой видеокассетой. – Ты что ж, слякоть, Акелу мочканул?!

Трое телашей кое-как рассредоточились по тесному словно спичечный коробок кабинету. Один у окна, один прикрывает мастера, один перекрывает выход. Не очень здорово, на их месте Соков уделит бы максимум внимания своей персоне. Но ведь это телаша, а не торпеды – выдрессированы на защиту, не атаку. Слабинка, уважаемый Станислав Анатольевич.

Экранный Пиночет стал полотенцем привязывать руки распростертой на зеленом сукне смазливой пухленькой кудряшки к лузам, сидя у нее на груди. Торчащий член дергался у самого лица милашки и в такт возне ударял ее время от времени по губам. А малышка, вытянув губы трубочкой, норовила чмокнуть естество в головку.

Таныч знал, что новый «отец» все равно попытается избавиться от него, дабы поставить на место зама по безопасности верную шестерку, Макиавелли читать не надо. Но чтобы замахнуть на товарища Сокова так оперативно? Начхав на ненайденное золото Акелы? Таныч, следя, как магистр брезгливо выдергивает из «Соньки» кассету с художествами Пиночета, примеривался.

Если на видеке ставится новая кассета, несколько секунд, пока техника самонастраивается, идет нечеткое изображение. И любой человек подсознательно пытается отгадать смысл недопонятого и упускает из сферы внимания прочее. Таныч ждал, когда наступят эти несколько секунд. Ударом кулака в височную кость он положит прикрывающего Станислава Анатольевича хлопца. Затем возьмет магистра за горло и магистром же закроется. Надо только учитывать тесноту и помнить, что и у самого Анатольевича в руках силы вдоволь.

Мелькнули первые кадры... И Соков растерянно опустил руки. Что это была внутренняя милицейская хроника, подтверждал пачкающий правый угол картинки гриф «Служебная съемка». Но не наличие у магистра в ГУВД своих, неведомых Сокову, источников остановило разворачивающуюся пружину смертоубийства. На экране в полный рост, на фоне Невы и Александровского моста, на фоне ментов, санитаров и зевак поперек асфальтовой дорожки лежал слегка опухший и посиневший горбун. Акела собственной персоной. С неестественно вывернутой шеей.

– Кто его так?

– Что ты мне рожу корчишь, будто впервые видишь?! – брызнул слюной в лицо Сокову «отец».

Сквозь жиденькие шторы в окно прямой наводкой било оранжевое солнце и ликовало в темных очках третьего телаша. А на экране участники служебного шоу нехотя возились с трупом.

– В воде пробыл недолго, но в жмуриках уже дня два, – читал Таныч приметы с экрана.

– Вот именно! А ты меня грузил, что он в плену у печенегов!!!

Тут Таныч вернулся в жизнь. Дело не в Макиавелли, Сокова подозревали всерьез и надолго.

– Ты что, думаешь, это я его?..

– Не я сказал!

– А на кой бы я здесь сейчас крутился с такими-то шишами?!

– А вдруг ты его грохнул, но так и ничего не узнал!?

– Я так глупо убивать не научен, – снизил накал первым опомнившийся Соков.

Станислав Анатольевич тоже сообразил, что не выглядит богоизбранником в глазах подчиненных при таких оборотах.

– Ладно, давай спокойно. Докладывай, где застопорился.

– Не застопорился. Иду по следу. Рою, почему Акела держал офис именно в Ледовом дворце.

– А этого паршивца, который ему на заказ вирус для дискеты сочинил, ты не спрашивал, вдруг можно восстановить отправленное письмо в убитом компьютере?

– Спрашивал. Нельзя.

– Любой компьютерщик всегда оставляет лазейку, когда выполняет заказ. Это особая порода людей. Где найти этого пацана? Я спрошу его по настоящему.

– Компьютерщик закатан в асфальт на Сенной площади. Я спрашивал по настоящему.

Лица телашей от такой новости особой радости не выразили. Вскрывались тайны мадридского двора. Чревато. А по виду продолжал демонстрироваться скучный фильм про скучные будни милиции.

– А, может, ты спецом от этого хакера избавился? Чтоб он другим не рассказал, что тебе успел?

– Как я могу оправдаться, если ты больше ни единому моему слову не веришь? – Таныч, как мог, изобразил оскорбленную невинность, вроде бы безвольно опустив руки. На самом деле очень удобно бить снизу вверх, под челюсть или по кадыку.

– Ладно, не гоношись. Верю, но держу ушки на макушке. Ты сейчас вокруг золота Акелы – моя единственная надежда. Ну, разве еще где-то гуляют Фрол и Силантий. Говоришь: «По золоту новостей нет»?

– Почему – нет? Есть, – пожал плечами Соков, раздумывая, какую кость бросить собакам. Про «лендровер»? Обойдутся. Он бросит не кость, а гранату. – Фрол и Силантий тоже мертвы.

Повисла гремучая пауза. На экране патологоанатомы наняли приبلудного бомжа, чтобы тот погрузил бездыханное тело Акелы в труповозку. Высокое милицеейское начальство воротило носы.

– Это точно? – после паузы неожиданно обошелся без вспышки гнева магистр. Но глаза не утаили принятое Станиславом Анатольевичем решение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.